

Сазма Казък

Варвара
ВЫСТУПАЕТ
В ПОХОД

16+

Магическое средневековье

Салма Кальк

Варвара выступает в поход

«Автор»

2022

Кальк С.

Варвара выступает в поход / С. Кальк — «Автор»,
2022 — (Магическое средневековье)

Я думала, что живу плохо – до того момента, пока не умерла и не попала туда, не знаю куда. Я не могу назвать это хорошим вариантом, потому что здесь вокруг война, голод и нищета, что бы местные о себе не воображали. Но я снова молода, сильна и здорова, и это значит – мы ещё посмотрим, кто кого. Вы меня – с вашим убогим бытом, вечными интригами и бесконечной войной. Или я вас – с моими знаниями, умениями и жизненным опытом.

Содержание

Часть первая. Сон, неотличимый от яви	5
1. Барбара – и всё	7
2. Не хочу ничего решать	9
3. Не моё	12
4. Покажите мне другое кино	15
5. Сон или явь?	18
6. Душ для матушки Вороны	20
7. После боя бывает откат	22
8. История с географией	25
9. Волшебное слово «пожалуйста»	28
10. Повелители гармонии	31
11. Поплакала – и будет	34
12. Об устройстве местной жизни	36
13. Верные и неверные	39
14. Вместо жребия	41
15. Мастер Звездочёт	43
16. Раздумья матушки Вороны	46
17. Пробуждение Феникса	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Салма Кальк

Варвара выступает в поход

Часть первая. Сон, неотличимый от яви

Кто битым был, тот большего добьется.

Пуд соли съевший, выше ценит мед.

Кто слезы лил, тот искренней смеется.

Кто умирал, тот знает, что живет.

Омар Хайям

– Дочь графа Ливарио нам больше не нужна.

– Как не нужна?

– А зачем? Её отец убит, и принц, её жених, тоже. Её наследство в руках Звездных Дождей, и пойдя выцарапай его оттуда. Если бы мы её не увезли, она бы тоже уже была убита. Я готов ехать с ценной добычей, но не готов – с бесполезной обузой. Торговаться за неё теперь не с кем. Взять её в жёны после всего – стать мишенью для изменников и для Звездных Дождей разом. Не хочу.

– Что же ты хочешь?

– Избавиться от обеих, от знатной девицы и от камеристки.

– Погоди, вдруг они ещё пригодятся? Давай подумаем, где их можно спрятать. А потом найти – если ветер переменится.

– Спрятать – дело нехитрое, но – только графскую дочь.

– А камеристка? Она могла бы доставлять нам сведения о госпоже.

– Предавшая раз предаст снова. Она легко сдала нам свою госпожу, с которой выросла, и что же, ты думаешь, она не сдаст тебя, если ей предложат больше?

– Ты прав, дьявол их всех заberi. Но я хочу её себе, хотя бы на пару ночей!

– Зачем тебе? Девочек достаточно. А эта слишком много знает. Для всех она уже мертва, её никто не станет искать.

– Она красива!

– Вот ещё! Сначала она красива, потом она несчастна, и ты сам не поймёшь, как окажешься в её власти. Смерть, и нечего тут.

– Как скажешь. Но как ты поступишь с графской дочерью?

– Ха! Отдам мамаше Вороне.

– С ума сошёл, да? Знатную, воспитанную девушку – мамаше Вороне?

– Зато её там никто не найдёт. Ворона придумает, как сделать её неузнаваемой.

– С её северной внешностью это трудно. Её узнают.

– Пока к нам сюда идёт лавина северных рыцарей – будут и светлокожие дети. Она не одна такая на всём свете. Подумаешь – светловолосая и бледнолицая! Ничего, захочет жить – не будет бунтовать. Кстати, глянь, как она там.

– Дышит. Ты верно рассчитал зелье.

– Вот и хорошо. Едем к мамаше Вороне, и я ещё денег с неё слуплю за такую добычу.

– Всё равно, благородную деву – отдавать в притон?

– Ты можешь сесть рядом и охранять её. А можешь отправиться со мной в Монте-Реале, где сейчас хаос и безвластие, и попытаться там поискать свою судьбу.

– Конечно, я отправлюсь с тобой. А девки... ещё будут. И белокожие – тоже.

– Вот и я так думаю. Господь пошлёт нам всё, что нужно. И деньги, и девок. Простых и благородных. Отправляемся.

– Отправляемся.

Десяток конных двинулся по прибрежной дороге. В свете полной луны они казались тенями – потому что были одеты в тёмное, без единого светлого клочка, без доспехов, от которых отразился бы лунный луч. Даже лица их были скрыты – не лишняя предосторожность там, где могут убить, если случайно решат, что видели тебя в войске соперника. Казалось, что даже копыта коней не выбивают из дороги пыль, а словно плывут над посеребрённой лунным светом землёй.

Впереди замерцали огни прибрежного города, не спавшего ни днём, ни ночью. На воротах отряд не остановили – потому что узнали.

Останавливать тех, кто служит Ночному владыке – себе дороже, это знает всякий. Пусть себе едут, их лучше не трогать, тогда и они не тронут. Их немного, но каждый стоит десятка, а то и поболее, потому что великий воин и могущественный маг, других Ночной владыка не держит.

Закреть за ними ворота и перекреститься, что господь отвел беду. И дремать себе дальше.

1. Барбара – и всё

– Матушка, она проснулась!

Кто проснулся? Я проснулась? Ну, может быть. А где я проснулась? В какой больнице? Я бывала в разных, а кто вчера дежурил – не знаю. Только бы не в пригород какой увезли, и не в Ново-Ленино, туда потом никого не уговоришь приехать. А когда тебя забирают в больницу с улицы, потом всегда нужен кто-то, кто привезёт вещи. И поесть.

Но почему матушка? И вообще!

Я открыла глаза – и не поняла ничего. Давно не беленый потолок – ну, бывает. Плохой свет – ночью в больнице свет не очень яркий, если ты не в операционной, конечно. Воздух тяжёлый, спертый – давно не проветривали, видимо. А вот паутина в углу – это уже совсем за гранью.

Так, стоп. Какая паутина? Как я смогла увидеть паутину в полутёмной палате, при моих-то минус тринадцать? А линзы я перестала носить уже год как, потому что в линзах дальность, и ничего на мониторе не видно, и на экране телефона.

Я пошевелилась... нет, лучше не буду, больно. Болит всё. Мышцы – руки, ноги, корпус. Голова. Рёбра болят. И... в промежности тоже, будто снова была операция по гинекологии. Горло пересохло, пить хочется просто невозможно. Чёрт побери, что происходит?

Шаги, шелест одежды – чтобы увидеть врача, нужно извернуться, как я сейчас не смогу.

– Проснулась, значит! – слышу я недобрый женский голос, обладательница в годах, наверное – моего возраста.

– Я вообще где? – слова дались с трудом, но нужно ж понять, что дальше.

– Ты – у меня. А я – матушка Ворона, – безапелляционно произнесла появившаяся в поле зрения женщина.

Крупная, грузная, в тёмной одежде, с лишним весом, и – очень смуглая.

– Где это – у вас? – продолжила допытываться я.

– В моём доме, – сообщила женщина, будто это что-то поясняло. – И сразу уясни себе: я здесь главная. Ты теперь не графская дочь, и никогда больше ею не будешь. Если тебе дорога жизнь, конечно. Не дорога – иди наружу и назовись настоящим именем. Граф Ливарио подох, и принц, твой жених, тоже подох. Твоё наследство прибрали, и уже даже успели подраться из-за него. А ты, если хочешь жить, будешь вести себя смиренно и выполнять всё, что я скажу. Я не дура, понимаю, что ты ценный товар, и не предложу тебя первому встречному. Но чтобы без глупостей, ясно? Иначе – сначала в общий зал, а потом на кладбище.

– Я не понимаю, – я правда не понимала.

– Чего тебе понимать?

– Вы вообще о чём? Я где? И вы – кто? Что это за грязная каморка с паутиной?

– Нашлась принцесса, каморка ей грязная! Пуховых перин не обещаю, как у твоего отца – уже не будет!

– Да не было у моего отца никаких перин!

– Матушка, может быть, она ничего не помнит? Говорят, после сонного зелья так бывает! – раздался звонкий молодой голос, обладательница стояла вне моего поля зрения.

– Чего она не помнит? Жить захочет – вспомнит! Как тебя зовут, дохлятина?

И ещё взялась за моё плечо и встряхнула, я аж взвыла от такого обращения.

– Варвара меня зовут, Варвара Лискина!

– Вот, у дочери северной приبلуды и имя такое же, – пробурчала женщина. – Про родовые имена забудь, кому сказано! Барбара – и всё. Джемма, объясни ей, что к чему.

Женщина развернулась, мазнув по мне широкой чёрной юбкой, и вышла, шаги вскоре затихли.

– Всё хорошо, Барбара. Ты жива, это главное.

Я смогла чуть- чуть повернуть болящую голову, и увидела девушку – тоже смуглую, но не настолько, как та женщина, волосы у неё были какие-то как мелированные, но неаккуратно – может, выгоревшие? Торчали и лохматились в разные стороны, кончики давно не стрижены. Но лицо очень милое, и светлые глаза смотрят с участием.

– Кто ты?

– Я Джемма. Побочная дочь рыцаря Фелицио. Он не успел выдать меня замуж до своей смерти, а его жена не захотела терпеть меня в доме, и продала сюда. Я понимаю, как тебе сейчас несладко, и я тебе не враг. Матушка назначила меня присматривать за тобой. Я могу дать тебе сонного зелья, чтобы ты спала и приходила в себя. Совсем немного, только чтоб уснуть, хуже не будет. Тебе сейчас только спать, понимаешь? И спать хорошо, чтобы быстрее оказаться на ногах, всегда лучше, чтоб на ногах.

– Я ничего не понимаю, – честно сказала я.

Какие рыцари, какая Джемма, какое сонное зелье? Давайте так – это кошмарный сон, и я сейчас проснусь. Проснусь в какой угодно самой дрянной больнице родного города, хоть в коридоре, хоть на дополнительной кровати в палате, которая стоит поперёк прохода и у которой даже тумбочки нет, не говоря о розетке!

– А пить... пить можно? Просто воды?

– Конечно, сейчас.

Девушка отошла, что-то куда-то наливала, потом поднесла чашку к моим губам. Я глотнула – вода оказалась отвратительной. С каким-то противным привкусом, откуда только налила такую! Но пить хотелось слишком сильно, я выпила всё, что было в чашке, а как избавиться от привкуса во рту – ну, подумаем. Или само пройдёт, или... что-нибудь сделаем. Потом.

– Спасибо, – кивнула я.

– Зелье я сейчас всё же разведу, – сказала она.

Отошла, что-то мешала – ложка звенела о посуду, потом вернулась и снова сунула чашку мне под нос. Пахло приятно – чем-то свежим. Я глотнула – как лимонный сок с сахаром, или нет, даже не с сахаром, с мёдом. Так лучше, чем просто вода, честное слово.

Я пила, пила... питьё закончилось, можно было выдохнуть, опустить болящую голову на подушку – осторожно, и закрыть глаза.

Пусть я сейчас усну, и это будет кошмарный сон, всего лишь сон. А потом проснусь – и никакой паутины сверху, никакой дрянной воды, никакой матушки и никакой Джеммы.

А только обычная нормальная больница. А то и вовсе своя квартира.

2. Не хочу ничего решать

Я проснулась в полной темноте, и поняла, что дурацкий сон продолжается.

В больнице есть окна, а в коридоре есть сестринский пост, на нём обычно свет горит какой-нибудь. А дома я и без света всё знаю. Тут же...

Правда, кровать уже знакомая. Хотя если на ощупь, то какая там кровать, ящик с соломой, застеленный какой-то тряпкой. Как в плохом историческом кино.

Значит, что у нас вообще есть? Что я помню последнее?

Тот день не задался с самого начала. Мне не заплатили за работу, и я не смогла заплатить за массаж. Пришлось звонить массажисту и договариваться, что начнём курс не завтра с утра, как договаривались, а на следующей неделе. К понедельнику-то уже почешутся, наверное! И вообще, как им работу, так подай вовремя, а как заплатить – ну, сегодня не вышло, извините.

Я уже давно работаю в сети. Пишу новости, статьи, рекламные материалы. Это проще, чем учитель русского языка и литературы – моя специальность по диплому. О нет, я проработала в школе пять лет. Больше не смогла.

И это не так физически тяжело, как танцевать на сцене. Но и... не так вдохновляюще, конечно. Танец – это моя первая специальность, главная, настоящая. Но увы, однажды случилась травма, она повлекла за собой воспаление суставов, и теперь я уже не могу даже вести хобби-группы с детьми. А бывало, солировала в балете на нашей местной сцене.

Но... эти мгновения остались только в памяти – и на фото. Сейчас и вес не тот, и спина вся скрюченная, и подвижности такой уже нет, и голова от нагрузки болит. Стас говорит, что не нужно рассчитывать на вечную молодость, и в сорок лет не будешь такой же, как в двадцать... То есть говорил, конечно. Скотина. Наверное, тогда уже со своей бабой новой гулял, когда говорил.

Вообще он и ко мне ушёл от другой жены. Сам ушёл, я на верёвке не тянула. Говорил, что любит – не может. Стихи писал. Корявенькие, но мне всё равно было приятно. Вам часто стихи посвящают, ну хоть бы и корявенькие? Мне вот – не очень, обычно это я мужикам стихи писала. Пока юная была и не перегорела. Поэтому нравилось чувствовать себя прекрасной дамой. А сейчас он перед той своей бабой соловьем разливается. Ещё и оправдывался – мол, люблю её, жизни без неё нет. Я не удержалась, сказала – что, так же, как раньше без меня не было? И ещё сказала, что на языке было в тот момент. Ничего, для него хорошего, как можно догадаться. Он замолк, нахмурился и пошёл вещи собирать. Вот и лети, голубок, лети. Всё равно последние пару лет жили с ним, как соседи, только что бюджет общий. Ни он меня не привлекал, ни я его. Но это я так думала, пока был под боком, а как засобирался восвояси – так горько на душе стало, что ох. Десять лет просто так за борт не выбросишь, уже, можно сказать, проросли друг в друга. Знали, кто что любит, какими словами лучше разговаривать, чтоб дошло, а каких не произносить, какую покупать еду и одежду, где и как отдыхать. И что – всё это знание теперь в никуда?

Вообще у него там, как оказалось, ребёнок нарисовался. Мне-то, увы, бесплодие поставили ещё в двадцать пять, и всё говорили, что ещё вот такими гормонами полечиться и вот этими, и я даже слушала и лечилась. А потом из-за тех гормонов начались новообразования, а их снова лечили гормонами, и сбитый обмен веществ, и вес, как будто я ем в три раза больше, чем на самом деле. И нагрузка на ноги, и треклятые воспаления суставов, причину которых так никто и не нашёл.

В общем, всё случилось разом – с утра облом с зарплатой с одного из сайтов, потом Стас вещи собирал – и слава богу, что хватило ума не расписываться с ним, а то бы ещё и квартиру

сейчас делили, а это вообще моё единственное имущество, другого нет. Это я себя так утешала. А вечером позвонила Крестинка.

Крестинка – моя двоюродная сестра. Очень поздний ребёнок папиной младшей сестры, единственный, залюбленный и берегов не знающий. У неё своя строительная фирмочка небольшая, коттеджи строят и ремонты делают. И дочка десяти лет, Маша. Вот про Машу-то она и позвонила.

– Варь, привет. Тут к тебе дело.

– Привет, рассказывай, – такое начало ничего хорошего не предвещало.

– Понимаешь, нам сказали, что самая лучшая школа – это которую у вас рядом построили.

– Ну может быть, – я не знаю, сама не работала.

Но новое же всегда хорошо, в новой школе и ремонт приличный, и оборудование. И вроде даже бассейн есть.

– Так вот, нам надо Машу туда устроить. Чем скорее, тем лучше. Даже если посреди учебного года. Но туда только с вашей пропиской берут.

Крестина живёт совсем в другом районе города, это точно. Практически даже за городом, в совсем новом микрорайоне, туда без машины не доберёшься. С их пропиской могут не взять.

– Говорят, сейчас за деньги можно любую прописку сделать.

И уж кому, как ни Крестинке, это знать. Она в теме.

– Да я знаю, но ездить-то она как будет! А нам с Петей некогда её возить. Короче, давай так: мы поживём у тебя, а ты у нас. Тебе-то какая разница, ты всё равно из дома работаешь.

– Ничего себе ты загнула – какая разница! Есть мне разница, не поверишь.

– Да нету, на самом-то деле! Ну куда тебе ходить – магазины у нас тоже есть, и аптека, а что тебе ещё надо?

Вот так. Что тебе ещё надо. Будто мне не сорок, а все восемьдесят. Ну Крестине-то тридцать, ей, наверное, так и видится от себя.

– Знаешь, даже если ты забыла, сколько мне лет, и что у меня вполне есть какая-то жизнь, то здесь ещё и поликлиника рядом. А я, как ты помнишь, дважды в год только прокапываться ложусь.

И вообще – какова наглость!

– Ничего, такси вызовешь и доедешь, – сообщила дорогая сестрица. – Ладно, ты там подумай, я завтра позвоню, конкретно договоримся. Я на выходные машину закажу, вещи вывозить.

– Я тебе согласия не давала, – у меня прямо перед глазами потемнело всё от такой наглости.

– А я твоего согласия и не спрашиваю, ясно? Если что-то не понятно – Петя завтра подскочит и объяснит.

И трубку бросила, зараза такая. Ну я ей задам!

Увы, телефон тётки не отвечал. Наверное, в курсе всего, и не хочет сейчас меня слушать.

Мне доводилось ловить обрывки разговоров о том, что сестрица моя с мужем ведут бизнес нечестно. Берёт деньги и не отдаёт, не брезгует шантажом и угрозами, а её муженёк чуть что – зовёт на помощь друзей «с раёна». И что, мне завтра тоже будут угрожать?

Квартира моя, от покойных родителей в наследство осталась. Ещё только не хватало, чтобы Крестинка её взялась отбирать!

Ну что ж такое, почему опять всё валится, и всё на меня! А я не хочу ничего решать! Ничего! Не как в меме, где «я девочка, я хочу платье», без платья обойдусь, нет сейчас такого платья, в котором моя нынешняя фигура мне понравится. Но почему я должна сидеть без зарплаты и урезонивать зарвавшуюся сестрицу? Хоть бы был кто-нибудь, кого помочь попросить, так некого ведь! А у меня – нет сил! Совсем! Я больной человек, сколько можно повторять!

Работать, где и как хотела, не вышло. Семьи нормальной свыше не дали. Я Стаса любила, как сумасшедшая, никого не слушала, даже его самого – когда говорил, что я для него не так уж и хороша. Деньги всю жизнь зарабатываю, как проклятая, и не могу сказать, что очень удачно. Что ж ещё-то на меня за напасти?

Села, поревела. Хорошо, качественно. Я всегда реву, чуть что, многих это раздражает. Но что поделать, если я – такая вот? Какая уродилась, другой не дали.

Я собралась и пошла на улицу, в магазин за хлебом. Нужно было днём, конечно, сейчас уже весь приличный разобрали. Ну уж как будет.

Двор у нас с серьёзным перепадом высот, и лестницу вниз, к магазинам, замело снегом. Плитка подстыла, и сделалась скользкой, и нужно было идти очень осторожно. Я и шла, но увечная нога подвернулась, стрельнула острой болью... и я полетела вниз.

Подумала ещё – что ж я лечу-то так долго?

И ударилась – сначала спиной об ребро ступени, а потом и головой – обо что-то очень твёрдое. И всё, долетела.

Открытые глаза увидели всё тот же потолок с паутиной, облезлые стены, стол с глиняным кувшином. Стоп, света ж нет?

Точно, нет. Но это... больше не является помехой.

Я не только вижу странный сон, но в том сне ещё и вижу в темноте.

3. Не моё

В следующее пробуждение оказалось, что окно в уже знакомой каморке всё же есть – маленькое, квадратное, под самым потолком. Ничем не занавешено, но в него и не посмотришь – при моём росте. Да и при любом другом тоже. И чем оно забрано – я не поняла. Плёнкой какой-то, что ли?

В окно светило солнце – прямо на противоположную стену, чёткий квадрат над моей головой. Сейчас стало видно, что стены желтоватого цвета, давно не знавшие побелки. Паутиной все четыре угла затянуты. Кроме паутины, на стенах нет ничего.

Каморка маленькая, в неё помещается только подобие кровати и маленький столик рядом. Ой, нет, в ногах ещё сундук, небольшой. Двери как таковой нет – вместо неё полосатая занавеска, которая слегка колыхается от движения воздуха.

Смотреть лёжа стало неудобно, я пошевелилась и попыталась сесть. Мышцы болели – нормальной мышечной болью от напряжения, я такую боль знаю очень хорошо. Я дотянулась потереть глаза со сна, как всегда делала... и увидела совершенно незнакомую руку.

Каково, а? За сорок лет уже можно выучить себя наизусть – где родинка, где шрам небольшой, где что-то ещё. Шрам был на среднем пальце левой руки – с детства, порезалась, когда играла с подружками, и на указательном – свежий, недели не прошло, как нож соскользнул, и по пальцу. Так вот, шрамов не было. И сама форма руки была другая – пальцы длиннее, ладонь немного больше. И никакого гель-лака на ногтях – просто остриженные и отполированные ногти. Продолговатые, у меня совсем не такие изящные. И руки мягкие, как у меня зимой не бывает никогда, ведь на улице холодно, а я перчатки надеть вечно забываю, потому что в телефоне торчу.

Это не мои руки. Надета на мне не моя ночнушка – из тонкого льняного полотна, но вся пропотевшая и местами в бурых пятнах. Длинная, куда такую? Никакого другого белья на мне не было – ни трусов, ни носков, даже не моих. А что ещё у меня не моё?

Осмотр показал, что не моё примерно всё. И создавалось впечатление, что об этом «не моём» хорошо заботились, а потом что-то случилось. Потому что на руках красовались синяки и ссадины – будто куда-то тащили за руки, а голова являла собой что-то невообразимое.

У меня были волосы до плеч – ухоженные, но тонкие. А тут я ощупала голову и вытащила на свет длинный хвост волос – когда-то красивых, светлых с рыжеватым оттенком, а теперь кошмарно спутанных. Я как представила, что всё это нужно прочёсывать – то прямо разозлилась. Что это такое, где я, и почему я так странно выгляжу? Или в странном сне – странная внешность? Бывает же такое, что снишься себе в каком-нибудь странном виде? Вот, мой случай. И что за нищая каморка, и где в этом сне помыться – да-да, помыться надо! И туалет у них где?

Я встала на ноги, держась за спинку как бы кровати, и хотела сделать шаг до двери, но голова закружилась и я завалилась обратно с грохотом, потому что кровать под моим весом ещё проехала по полу сантиметров двадцать и врезалась в стену.

Приплыли.

Занавеска тут же заколыхалась, и на пороге показалась девушка – она была во сне ночью. Её как-то звали, она говорила, но я не могла вспомнить – как всегда во сне. Если утром тут же не припомнишь всё, то забудешь сразу же.

Девушка была одета в длинное платье-рубашу какого-то серо-коричневого цвета с закатанными до локтя рукавами и подхваченным поясом краем длинной юбки. Из-под платья торчало что-то белое, очень похожее на мою ночнушку, но какое-то как будто застиранное.

– Ты проснулась? Это хорошо. Госпожа Марта сказала, что если проснёшься сегодня – то всё в порядке.

– Кто это – госпожа Марта?

– Здешняя целительница.

– У неё можно попросить таблетку от головной боли?

– Что-то?

– Ну, что-нибудь принять от спазма сосудов в голове.

Девушка смотрела, не понимая, тогда я сказала максимально просто:

– Голова болит, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула она с улыбкой. – Сейчас, – и хотела уже убежать, но я не дала.

– Туалет где? Отхожее место, уборная, как ещё назвать?

– Да, первым делом, – девушка выскользнула наружу и вернулась с ведром.

Здравствуй, дача, новый год. Но что уж, в больнице и не так бывает, когда тебя долго капают и вообще когда лежишь, подключенная к аппаратуре.

А в процессе я заметила кровь на внутренней стороне бёдер. У меня внеплановые месячные? Вроде же десять дней ещё? Кровь успела подсохнуть. Или опять сбой какой, и кровотечение вне графика? Так же стало понятно происхождение бурых пятен на ночнушке.

Девушка тем временем куда-то сходила и вернулась с большим кувшином, она его еле тащила.

– Госпожа Марта сейчас придёт, – поставила кувшин на пол и снова наладилась сбежать, но я остановила.

– Скажи, ты говорила, как тебя зовут, но я не помню.

– Джемма. А ты Барбара, я помню.

Ну что за Барбара, прямо как Барби, ага. Барбара Миллисент Робертс, смеяться некому. Старая кукла со свалывшимися длинными волосами.

– Варвара, если можно, – я чуть было не добавила «Михайловна».

Джемма пожала плечами – не уловила разницы? И принесла из-за двери жестяной таз.

– Я полью тебе, а ты умоешься.

Мыла не дали, зубной пасты и щётки не дали тоже. Вода оказалась холодной.

– Скажи, а по-человечески помыться можно?

– Что сделать? Как это – по-человечески?

– В горячей воде. С мылом. Помыть волосы шампунем. Средство какое-нибудь нанести, чтобы их потом расчесать.

– Кто ж тебе тут будет воду греть, – усмехнулась Джемма. – В баню пойдём послезавтра. Если ты уже сможешь стоять на ногах – то матушка разрешит тебе пойти.

– А если не смогу – то что, от грязи трескаться?

– Почему? – не поняла Джемма.

И смотрела на меня с таким видом, будто подумаешь, грязь! Пустяки, дело житейское, как говорил один замечательный герой из книги моего детства. И ещё как там – маленькая грязь это не грязь, а большая засохнет – и сама отвалится. Тьфу. Как в походе. Или где там ещё.

– И что, до послезавтра даже голову не помыть?

Далась мне эта голова, в конце-то концов, в больнице ещё и не то бывало! Но почему-то невозможность решить простейшие бытовые вопросы выводила меня из себя.

– А кто тебя тут увидит, кому интересна твоя голова? Пока матушка не разрешила выходить, то и никому. А ты прямо рвёшься наружу?

– Никуда я не рвусь. Я как будто не совсем здорова. Но болеть и выздоравливать предпочитаю в чистоте.

Было какое-то древнее изречение про связь чистоты и здоровья, но я забыла его напрочь. А то бы процитировала с умным видом. Вспомнила только о том, что нечистым трубочистам стыд и срам, но могло не прокатить.

– Кто это тут ратует за чистоту? – услышала я из-за занавески.

В комнату вошла старушка – с виду обычная, но необычно одета – в сером платье в пол с длинными рукавами, а на голову повязана косынка, наверное. В руках у неё была корзинка с какими-то склянками и пакетиками.

– Я Марта, и матушка велела мне осмотреть тебя, как ты проснёшься.

4. Покажите мне другое кино

– Вы кто? – насторожилась я. – Вы врач?

– Я целитель, деточка, – сообщила старушка. – Кто б меня взял в университет-то, скажи? Вот тогда – была бы врач с дипломом и учёной степенью. А так – просто целитель. Но спроси хоть кого здесь – целитель умелый.

Какая я вам деточка, скажите? Может, тётетка?

– Это правда, – закивала Джемма. – Госпожа Марта дурного не сделает. Госпожа Марта, она сказала, что голова болит.

– Так будет тут голова болеть, после такого количества сонного зелья, – вздохнула старушка. – Деточка, что ты помнишь о том, как попала сюда?

– Ничего, – честно ответила я. – Вообще ничего не помню и не понимаю. Не то я сейчас вижу сон, не то раньше я видела сон, что у меня была совсем другая жизнь.

– Ох, она и была у тебя совсем другая, – согласилась старушка. – Джемма, выйди, детка. Меньше знаешь – дольше проживёшь.

Джемма, ни словом не возразив, вышла. Ещё и поклонилась старушке, та с улыбкой кивнула. И сделала какой-то непонятный жест рукой в сторону двери, потом только повернулась ко мне.

– Я не знаю, детка, почему ты оказалась у нас. Тебя привез один из Ночных стражей, я не знаю его ни в лицо, ни по имени – лицо он не открыл, и имя – тоже. Но мне показалось, что матушка знает его. Ты была без чувств, он сказал матушке, что если бы не увёз тебя, то ты сейчас была бы мертва вместе со своим отцом и ближней девушкой. Твоего отца убили Звёздные Дожди, они же разграбили ваш замок, так что о наследстве забудь. Разве что кто-нибудь сильный когда-нибудь возьмётся отстаивать твои наследные права. Но зачем бы – брать тебя в жёны сейчас нет никакой выгоды, потому что за тобой ни имени, ни людей, ни земли. Твой жених, я слышала, тоже погиб. Так что радуйся тому, что ходишь по земле и видишь солнышко. Присядь.

Отец? Жених? Занятный сон, честное слово.

Я опустила на кровать, и она принялась ощупывать мою голову. Как только не противно касаться этих грязных спутанных волос! Но тупая боль уходила из виска, будто она прямо пальцами её вытягивала, мне даже показалось на мгновение, что Марта тянет какие-то едва заметные светящиеся нити из моей головы, сматывает в моточки и уничтожает. Как в какой-нибудь игре с хорошей графикой, или в фэнтези-сериале. Но боль ушла, и стало ощутимо легче.

– Спасибо, госпожа Марта, мне легче, – сказала я.

– Вот и славно. Снимай сорочку.

– Зачем ещё?

– Нужно убедиться, что нет серьёзных повреждений. Матушка должна знать, на что она может рассчитывать.

– Кто такая матушка? По какому праву она мной командует?

– По тому праву, что она дала тебе убежище, – старушка отличалась изрядным терпением. – Как ты думаешь, кто захочет связываться с дочерью погибшего графа Ливарио? Да никто, поверь. Неудачники никому не нужны. Твоя задача сейчас – подняться на ноги и выжить, понимаешь?

О нет, я решительно ничего не понимала. Но подумала – и не стала спорить. Нужно будет ещё поговорить с этой самой матушкой, пусть тоже что-нибудь скажет.

– И что ваша матушка хочет от меня?

– Матушка – содержательница самого приличного дома утех в Монте-Реале, – сказала старушка.

– Что-о-о? – я подскочила и вытаращилась на старушку, глядя очень злобно и очень сверху.

Что-то раньше я так ни на кого не смотрела, рост сто пятьдесят семь не располагает.

– Сядь, детка, – мягко произнесла Марта. – Да, я понимаю, что тебя готовили вовсе не к этому. Но ты уверена, что такая жизнь хуже, чем вовсе никакой? Ты можешь убежать, но знаешь ли ты город? Бывала ли ты в нём?

– Ни разу, – честно сказала я, название «Монте-Реале» не говорило мне ничего.

Где это вообще? В Италии? В Испании? Чёрт знает, где? На каких задворках мира?

– Ты выйдешь на улицу, и что с тобой будет? То, что бывает с одинокой девицей без защиты и покровительства. Ты достанешься тому, кому приглянешься, и тебя могут попросту убить после того, как попользуются. Здесь же твоя жизнь в безопасности. Матушка заключает магический договор с каждым клиентом – о том, что здешних жительниц нельзя лишать жизни, и рассказывать о том, что было наедине, тоже нельзя. Никто не скажет, что встретил тебя здесь, враги твоего отца и твоего жениха тебя тут не найдут. А твоя жизнь – это единственное, что у тебя сейчас осталось.

Господи, поскорее бы проснуться! Такой безысходностью для меня веяло от этих слов, что... я же проснусь, правда? Рано или поздно? Этот сон увлекательный, но ни капли не интересный, я б и досмотрела до конца, но не про себя, а про кого-нибудь другого, желательно – мне неизвестного. Про другую женщину, можно даже тоже Варю. Я даже готова ей посочувствовать.

Потому что мне-то не посочувствует никто!

Я вздохнула и решила.

– Госпожа Марта, но... я ничего не помню. Ни об отце, ни о женихе.

Старушка оглядела меня вдвое внимательнее.

– Значит, брат Ночной страж перестарался. И дал тебе выпить слишком много сонного зелья. Не беспокойся, воспоминания возвращаются – чаще всего. Тебе нужно поспать хорошенько. А сейчас присядь, я должна осмотреть тебя.

Старушка бесцеремонно стащила с меня рубаху и отложила, и принялась ощупывать – начиная с плеч и дальше. Когда она дошла до запястий, то я увидела невероятное – под её прикосновениями затягивалась содранная кожа, и гематомы рассасывались всё равно что сами собой.

– Тебе связывали руки, остались следы. Но их уже нет. Так, теперь ложись, посмотрим дальше.

Что, она ещё и гинеколог – изумлялась я про себя. Дёрнулась – куда без перчаток! Но старушка довольно уверенно взялась проводить именно гинекологический осмотр, и там, кажется, тоже были повреждения, которые она убирала.

– Что со мной было? – поинтересовалась я, уже не ожидая ничего хорошего.

– Матушка рассчиталась твоей девственностью с тем Ночным стражем, что привёз тебя. Он сказал, что ему нет разницы – в себе ты или нет, твоя магическая сила от того не изменится. Мне кажется, что все эти слухи про то, что девственница даст какую-то особую силу, возникли на пустом месте и ничего под собой не имеют, глупости, в общем. Но некоторые верят. С другой стороны, к чему тебе теперь девственность?

Какая, к чёрту, девственность? Я поняла, что чуть было не сказала это вслух, и закрыла рот рукой – на всякий случай. Старушка же истолковала мою реакцию по-своему.

– Не переживай больше, чем нужно. Ну, не сложилось такой судьбы, как ты хотела. Сложится другая. Сможешь понравиться приличному клиенту – тебя могут забрать отсюда, и даже

кто-нибудь может жениться – ты красива. Поэтому – делай всё, чтобы привлечь, и твоё воспитание тебе в помощь.

Забрать? Жениться? Ну и сон, мать моя женщина!

– Пойдите, а... – это дома существует множество способов предохранения от нежелательной беременности, а здесь?

– Да, деточка?

– А как здесь, стесняюсь спросить, предохраняются? От беременности?

– Да как везде, – сообщила старушка. – Ты ведь маг, неужели тебя не научили?

Что-о-о? Научили?

– Если и учили, то я благополучно позабыла. Может быть, вы научите снова? – я нервно рассмеялась, хотя на самом деле мне было совсем не смешно.

– Руку дай, – старушка взяла меня за правую руку и слушала пульс, а может быть, не только пульс. – Слабая ты совсем. Завтра. До завтра тебя точно никто работать не заставит. Да и после ещё несколько дней, думаю, тоже.

Господи, какой кошмар!

– Можно мне помыться, переодеться в чистое, сменить постель и поесть? – поинтересовалась я совершенно убитым голосом.

Если нет возможности проснуться прямо сейчас, то, может быть, хотя бы покормят?

5. Сон или явь?

Я снова проснулась, и снова в той же убогой каморке. Сон никак не желал заканчиваться – это минус и плохая новость, а хорошей новостью оказалось то, что у меня ничего не болело. Ничего. Не. Болело.

Этот факт был доводом в пользу того, что я таки сплю – потому что в реальной жизни у меня что-то болело всегда. Начиная с того момента, как в двадцать два года я попала под машину – меня сбил на пешеходном переходе какой-то урод на внедорожнике, и унёсся с места происшествия быстрее ветра. Я, можно сказать, не очень тяжело отделалась – сломанной ногой и травмой головы, ногу зарастили, голову компенсировали препаратами. Но я не смогла танцевать так, как до травмы.

Вообще я упёртая, как тот баран. Мне сказали – всю жизнь с палкой, я смогла обходиться без неё. Довольно долго обходилась. Мне сказали – никаких танцев больше, я хоть и не вернулась на сцену, но ещё много лет танцевала, что попроще, вела группы старинного и народного танца для взрослых и детей. Правда, всё это завершилось тем, что воспаление обоих голеностопов отняло и эту возможность, но я надеялась её вернуть – не сейчас, так через год-другой. Нужно подождать, нужно дать телу время на регенерацию, и начать снова. И тогда всё получится.

А теперь что? Я уже столько раз пожелала проснуться, но кто б там слушал мои пожелания!

Вчера после осмотра местного врача я осталась в непонятках. С одной стороны, сама сказала, что не врач, и диплома у неё нет, с другой – я впервые видела ну хоть кого, кто умеет убирать синяки, ссадины и боль прикосновениями. Обычно лечение – это ещё более мучительная процедура, чем твое обычное состояние, и его нужно перетерпеть во имя того, что потом, наверное, станет легче. Во всяком случае, у меня так. Терпеть я в итоге умею – но только если понимаю, ради чего.

Здесь я не понимала примерно ничего. Вчера старушка Марта выдала мне некую порцию информации, которая должна была чему-то помочь. Только у меня сначала болела голова, и я не соображала, а потом перестала болеть, но от облегчения я снова уснула – правда, сначала вытребовала себе еды. Нормально помыться не дали, только как кошка лапой над поганым ведром, ну да ладно, ещё не вечер. Но хотя бы покормили. Правда, скромно, хлеб – в виде лепешек, молоко, сыр. Ну и ладно. Я поела и уснула, а теперь проснулась.

И нужно понять, что дальше.

Я когда-то читала роман, в котором герой тоже спал и видел очень реалистичный сон, и смог проснуться только тогда, когда сделал в реальности сна что-то, что от него хотели. Я вообще тот ещё скептик, но вдруг мне тоже нужно что-то сделать, и тогда я вернусь из этого ящика с сеном, то есть, простите, с соломой, в мою нормальную кровать? Вдруг я лежу в реанимации, и меня не могут привести в чувство, потому что я тут застряла? Как бы только догадаться, что от меня нужно.

Страшную мысль о том, что никакой это не сон, а сном была, например, моя предыдущая жизнь, я отодвинула подальше. Эй, вы, там, наверху, я не философ ни разу, чтобы размышлять о причинно-следственных связях между всем и о том, что есть реальность, а что есть наше представление о ней! Никогда не любила философию, хоть и сдавала дважды – сначала в училище культуры, а потом ещё в педу, потому что количество часов не совпадало.

Итак, что у нас есть? Меня принимают за какую-то девицу, дочь какого-то графа Ливарио – надо же, я запомнила имя. Её зовут Барбара, почти как меня, ладно, не будем кочевряжиться. И она попала по-крупному – если папеньку её убили, её саму не то спасли, не то похитили

и изнасиловали, и отдали в дом терпимости. Хорошо, в дом утех. Потому что зачем добру пропадать, так я понимаю. И хозяйка этого дома собирается на Барбаре заработать – иначе зачем согласилась взять. Здесь Барбаре, то есть уже мне в её шкуре, дали поспать, немного полечили и покормили. И... что дальше?

В общем, если кто-то там рассчитывал на то, что я разберусь в здешней ситуации и что-то сделаю, то он просчитался. Я никогда не любила ни читать об интригах, ни самой их устраивать. Ну не интересно это мне. Мне бы пойти и сделать, и чтоб результат. Не очень важно, что именно сделать – ну там выучить партию и станцевать, или научить других, чтоб станцевали, или придумать и поставить номер, или целый спектакль, или прочитать и обсудить с детьми книгу, или написать статью про сравнение двух моделей беспроводных наушников. Конкретика, понимаете? Вот. А здесь я не видела пока, что конкретно я могу сделать.

Поганое ведро мне оставили, оно уже слегка пованивало. Вода в кувшине тоже ещё оставалась – на доньшке, но умыться хватит. Ещё б одеться, потому что босиком да в ночнушке – не тема, вот совсем не тема. Я вспомнила про сундук в ногах, но он оказался заперт – крышка не поднималась. И никакого замка, и никакой замочной скважины. Сундук с секретом? Ненавижу секреты.

Я опустила на холодный пол рядом с сундуком и принялась его разглядывать. Деревянный, окованный полосками металла. Тяжёлый – мне не удалось его сдвинуть с места, как я ни старалась, но я сейчас ещё слабая. Ручка массивная, металлическая. Я тупо стала трогать железные фрагменты – вдруг там где какой подвох, а их искать нужно именно путём волшебного тыка. Мне всегда очень быстро наскучивало тыкаться, и поэтому я не прошла толком ни одной игры. И если кто-то решил таким образом подшутить надо мной и научить – ну, он ошибся, и ничего у него не выйдет.

Ничего не выйдет, ясно вам? – думала я, ощутив покалывание в подушечках пальцев. Глянула – под пальцами искрило, прямо голубоватые искры в том месте, где я трогала полоску металла и шляпки гвоздей. Повела палец дальше – снова искрит. Но и только, больше ничего не происходило.

Вообще все эти местные странности нормально укладывались в картину того, что мой сон происходит в магическом мире. Как в книге, в игре какой или в кино. В бытность студенткой второй раз мне довелось общаться с ролевиками, и даже на несколько местных игр съездила, так вот – им бы зашло. Унылый дом, занавески вместо дверей, пауки по углам, люди все одеты, как надо, и говорят тоже не отсебятину, а строго в рамках персонажа. Кое-какие знакомцы и до сих пор участвовали в чём-то таком, а я больше не хотела. И что, раз я больше не хочу, то меня надо куда-то манить такими вот снами?

Эх, расскажи я тогда друзьям, что правильно – это когда ты неизвестно сколько немытая сидишь в рубахе и босиком, и больше у тебя нет ничего, и спишь в ящике с сеном – ведь не поверили бы.

Я услышала шаги за дверью, быстро поднялась на ноги и схватилась за стену – резкое движение вверх вызвало головокружение.

Занавеска поднялась, и вошла Джемма.

– Ты проснулась? Очень хорошо. Матушка велела привести тебя к ней.

Вот и славно, я и сама не против. Но сначала нужно одеться. А потом – да, нужно поговорить.

6. Душ для матушки Вороны

– Джемма, доброе утро, – кивнула я. – Скажи пожалуйста, где я могу взять себе какую-нибудь одежду и обувь. Эта рубаха грязная, её необходимо заменить. Пол холодный, если я буду ходить по нему босиком, то подхватчу простуду.

– Матушка ничего не говорила, – сказала Джемма. – Только чтоб я тебя к ней привела.

– Так я ж не против, – я изо всех сил пыталась быть дружелюбной и не спорить. – Но если у неё на меня какие-то там планы, то меня нужно содержать в порядке, так? Как... коня, не знаю, или охотничью собаку, – я в последний момент догадалась, что «машина» может оказаться не в тему.

– Не знаю, – мотнула головой Джемма. – Ладно, спрошу.

Пока она ходила, я оглядела себя – жуть кошмарная. Худая, грязная, лохматая. Такую нельзя людям показывать, не то, что мужикам для утех предлагать. Или у них тут совсем бедный дом терпимости, и мужики непритязательны, бросаются на всё, лишь бы женщина?

Джемма вернулась и протянула мне пару кожаных шлёпок – к подошве пришита полоска сверху, и всё. Пришита просто через край суровыми нитками. Ну, лучше, чем ничего.

– Спасибо, Джемма, – кивнула я, и надела это чудо местной моды.

Мы вышли из комнаты, и я увидела коридор – длинный, из него много дверей, занавешенных шторками. За некоторыми разговаривали, я не поняла, о чем. Коридор упирался в очередной проём, и за ним оказалась лестница.

Дальше спускались вниз по винтовой лестнице внутри башни. Два оборота, один этаж. На этом этаже жили побогаче – вместо занавесок нормальные деревянные двери, и расположены они не так часто, то есть – комнаты за ними больше. В одну из таких комнат меня и привели.

Джемма постучала и получила изнутри какой-то звук, видимо, обозначающий согласие войти. Открыла дверь и толкнула меня в спину – иди, мол.

Комната, очевидно, показывала уровень местного комфорта, и я принялась жадно её разглядывать. На полу лежал коричневый шерстяной ковёр – вот, бывает, не всё потеряно. Стены тоже прикрыли узорчатыми коврами, только потоньше, и не ворсистыми. Типа гобеленов, наверное. Правда, паутина по углам всё равно висела. Окно – тоже квадратное, и небольшое, но не так высоко, как в моей камерке, в это можно выглянуть и увидеть какую-то улицу, наверное. Штор нет.

Есть стол, на нём большой подсвечник, свечи догорели и оплыли. И блюдо с остатками еды – какие-то обглоданные кости. Матушка практикует ночной дозор?

Деревянная кровать – о, тут бывают нормальные кровати, прелестно – с какой-то постелью на ней, столбиками по углам и занавесками по периметру. Коробочка, короче.

– Чего встала? – рыкнули на меня из-за плеча.

Я обернулась. Матушка Ворона восседала в деревянном кресле с подлокотниками, с видом владычицы морской, не иначе. Большая, с очень смуглой кожей, чёрные волосы подбраны на затылок и там замотаны каким-то белым лоскутом. Двойной, а то и тройной подбородок, на шее поверх простого тёмного платья, вроде как у Джеммы и старушки-лекаря – медальон на толстой цепи. Что там нарисовано, я не разобрала – солнце так светило в окно, что было непонятно.

– А что бы вы хотели, чтобы я делала? Прыгала? Так сначала нужно вылечить, отмыть, одеть и накормить.

– Что-то много болтаешь, – матушка со скрипом поднялась со своего сидения и подошла ко мне.

Обошла со всех сторон, рассмотрела.

– Если сидеть молча, то можно и вовсе ноги протянуть, – сообщила я. – Я так понимаю, что у вас на меня планы.

– Правильно понимаешь, – кивнула та.

– Не выйдет, – покачала я головой.

– Почему это не выйдет? Привяжут к кровати – и не пикнешь.

Перспектива привела меня в ужас. Я молча смотрела на мерзкую бабу, не в силах отвести взгляда. Ну да, тело у меня сейчас лёгкое, его схватить и утащить – много сил не надо. И если её клиенты неприятельны – то им же, наверное, нет разницы, согласна ли жертва. Ещё и повеселятся, если будешь орать и отбиваться. Значит...

– Значит, я пошла.

– Интересно, куда?

– Наружу, – понятия не имею, где тут наружу, но... – И если меня там сразу же убьют, то так тому и быть. Чем у вас тут мучиться и ждать, пока уже помрешь наконец-то от вашей глупости, истощения и дурного обращения.

– Где это с тобой дурно обращались? – усмехнулась матушка. – Пока и не начинали.

– Вам показалось, – сообщила я. – Вы ночью спросили, хочу ли я жить? Один конец, и знаете ли, я предпочитаю побыстрее.

– Может быть, меня убьют, и я проснусь?

– Чего заладила – конец, конец! Будешь слушаться – проживёшь долго. Хоть у кого спроси, не жалуются.

– Наверное, привыкли жить впроголодь и ходить грязными и босыми? Как нищие на улице? Кто-то мне сказал, что у вас тут как бы лучшее заведение, но что-то пока я вижу только грязь и нищету.

– Эй, ты, говори, да не заговаривайся, – матушка схватила меня за плечо, развернула к себе и прямо впилась в меня взглядом своих маленьких чёрных глаз. – Я тебе сразу сказала – роскоши не жди.

– Вам кто-то неправильно рассказал, что такое роскошь, а вы и поверили, – было страшно, но я не могла не защищаться. – Наверное, посмеялся, а вы, похоже, не видели в жизни ничего слаще морковки.

Бабища аж задохнулась – так ей не понравились мои слова. И с размаху влепила мне пощёчину.

Пересохшая губа треснула – я прямо ощутила, как треснула, и как показалась кровь. Из глаз брызнули слёзы – от боли, и от злости, и от отчаяния. И дальше я не поняла, как это произошло, но руки мои взлетели в каком-то незнакомом жесте, и на Ворону откуда-то вылилось ведро воды. А потом ещё и ещё. Курица она мокрая, а не Ворона, вот!

Водяной шар с силой ударился в паутину над кроватью, и пролился вниз вместе с той паутиной. Следующий взорвался над столом и смыл на пол кости с тарелки. Ещё один прилетел прямо в постель.

Матушка вопила, не переставая, а из моих ладоней вылетали всё новые и новые водяные плухи. Заглянул мужик – в какой-то подпоясанной серой дерюге, ему прилетело в лицо, он тут же вывалился обратно в коридор. Снаружи собралась толпа – немудрено. А я никак не могла остановиться – вода лилась и летела из моих рук в разные стороны... пока вдруг резко не закончилась. Руки опустились.

Матушка стояла у стены и смотрела на меня с ужасом, в распахнутую дверь боязливо заглядывали какие-то женщины.

– Где госпожа Марта, позовите скорее госпожу Марту! – кричал кто-то в коридоре.

А я поняла, что напрочь лишилась последних сил, и схватилась за стену.

Сползла по ней на пол, и потеряла сознание.

7. После боя бывает откат

– Деточка, просыпайся, – услышала я.

Не будите, а? Мне так хорошо спалось! Ничего не болело. А сейчас – голова кружится, дышать трудно, по всему телу мурашки и кожа словно горит. Как будто выпила суровый мочегонный препарат и страдаю от побочных.

Я открыла глаза и увидела, что сижу на мокром ковре возле мокрой стены, а перед моим лицом машет руками бабушка Марта.

– Что... случилось? – прохрипела я.

– Стихийный выброс, – пояснила целительница. – Твои магические способности сильнее, чем все мы думали.

Что? Какие ещё способности?

– И что с ней теперь будет? – о, это Ворона.

Курица мокрохвостая.

Я попыталась пошевелиться и глянуть туда, откуда доносился голос. Стоит, красавица, голову какой-то тряпкой вытирает.

– Теперь будет восстанавливаться. Деточка, ты ела сегодня?

– Нет, – качнула я головой.

– Оно и видно, – вздохнула Марта. – Сибилла, девочку нужно кормить. Прямо сейчас.

Кто это – Сибилла? Ворона, что ль? Похоже на то, она сказала кому-то принести еды.

Два мужика в серых хламидах довольно бесцеремонно подняли меня с ковра и вывели наружу, и завели в соседнюю комнату. Там были стол и две лавки – наверное, здесь едят? Или ещё что делают? Я плюхнулась на лавку у стены и закрыла глаза. Судя по звуку шагов и голосов, зрительный зал мигрировал вместе со мной.

Госпожа Марта пришла следом, взяла мою руку и принялась нажимать на какие-то точки на ладони. Когда оказалось особо чувствительно, я взвыла и едва не подпрыгнула.

– Осторожнее, пожалуйста!

– Спокойно, детка, спокойно. Что отец говорил тебе о твоей магической силе? Он был могучим магом, должен был понимать и о тебе.

Здравствуйте, я ваша тётя. Откуда мне знать-то? Я угрюмо пробурчала:

– Не помню. Я ж говорила, что ничего не помню. Ни об отце, ни о ком другом.

– А она вообще та, за кого себя выдаёт? – поинтересовался откуда-то из задних рядов партера молодой задорный голос.

Очень недобро поинтересовался.

– А тебе, Пинья, откуда знать? Ты была представлена отцу Барбары? – поинтересовалась госпожа Марта.

– Нет, но...

– Сдалась ты тому богачу, как же, – усмехнулась где-то там же ещё одна девушка. – И он, поди, вообще ни разу здесь у нас не был!

– Так раз богач, владения большие, любую девку можно поймать, зачем к нам сюда ехать!

– Куда там, его северянка приворожила, он после неё и не смотрел ни на кого, это все знают!

– Да какая она северянка, она ведьма из прибрежного грота! Рыба-оборотень!

– Ты-то много ведьм видела, уж конечно. Рыба – она на рынке!

– Сама ты на рынке! Откуда она столько воды взяла? Из моря! А кто в море живёт? Рыбы!

– И каракатицы! Вдруг она ночью обернётся каракатицей и нас всех задушит? А у меня комната через стенку от неё!

– Куда там из моря, вода-то пресная была, мне ж тоже досталось!

– А ну замолчали, – госпожа Марта повысила голос совсем немного, но этого хватило. – Барбара маг, стихийный маг, с очень сильной водой. Наверное, потому её отец и взял её мать в жёны – чтоб была вода. Сами знаете, вода нужна.

– Ну я тоже стихийный маг, и много здесь таких, и что? Я и вообразить себе не могу, что кто-то способен вызвать столько воды!

– Ты, Алесса, помолчи, вашу силу не сравнить. Ты что можешь? Воду для умывания, да? Вот и молодец. А Барбара сильнее тебя, такая уродилась, – госпожа Марта продолжала нажимать на разные точки по всему моему телу – на висках, на подбородке, на затылке, на шее, на спине, на боках.

Она ловко вертела моё безвольное тело, и от её прикосновений слабость уходила, и ощущение пустоты внутри тоже уходило. И противные мурашки прекращались, и жжение.

– Так ей тогда воды не давать, раз она такая могучая! – влез кто-то ещё. – И я бы ещё разузнала, как её на самом деле зовут. Потому что кто видел эту графскую дочку, на самом деле? Да никто.

– А ты, Амата, конечно же, видела больше всех на свете, – усмехнулась госпожа Марта. – Я свидетельствую, что Барбара – та же самая, которую нам сюда привезли восемь дней назад. Я осматривала её сразу же по приезду, и я скажу тебе – в ней ничего не изменилось. Или ты и в моих словах станешь сомневаться? Или ты хочешь неприятностей от Ночной стражи?

Я прямо даже глаза открыла, так меня заинтересовали новые нотки в голосе госпожи Марты. Та поднялась, выпрямилась во весь свой небольшой рост и сурово глянула на девушку с вьющимися тёмными волосами – очень пышными, кроме волос, я и не разглядела ничего. Ну и все они тут же отступили – кто на шаг назад, кто в коридор. Очевидно, никто не хотел неприятностей ни от пресловутой Ночной стражи, ни от госпожи Марты.

– А чего она говорит, что не помнит, – смутилась девушка.

– А тебе давали сонное зелье хоть раз? – о, это знакомый голос, это Джемма. – мне давали однажды больше, чем нужно, так я до сих пор не помню тот день с утра, только уже как пробудилась. А ей, судя по всему, налили целую чашу! Как только жива осталась, был момент, мы с госпожой Мартой уже думали, что не очнётся, дыхания почти не слышно было. А потом ничего, выкарабкалась.

– И мне очень любопытно, кто разнёс на хвосте сплетню о том, что Барбара – чья-то там дочь, – сурово сказала госпожа Марта. – Кто ещё хоть раз об этом сболтнёт – у того язык отнимется, ясно вам? Трещите тут целый день, как цикады, и ума столько же! Хоть бы делом каким занялись!

– Какое там дело, до сумерек ещё вон сколько, а баня только завтра, – протянул кто-то из задних рядов.

– Если дела нет, я сейчас придумаю, – госпожа Марта оглядела девушек. – Пинья, Амата, Делия и Ассунта идут сейчас к матушке и осушают там всё!

– Мы не справимся, – замотала головой пышноволосая Амата. – Там нужен сильный маг!

– Сделаете, что можете, там и поглядим, – под суровым взглядом госпожи Марты названные отбыли в соседнюю комнату. – А остальные – кыш отсюда! Сальваторе, Сигизмондо – помогите девочке дойти наверх. Джемма, распоряжение о еде для Барбары было отдано уже давно, где та еда? Пойди поторопи, и пусть принесут к ней в комнату.

Меня снова подхватили под руки и потащили, оставалось только ногами перебирать. По коридору, по лестнице, и втроём ещё еле протиснулись, затем снова по коридору. Один придержал шторку, вдвоём затащили меня в каморку и сгрузили в кровать, которая ящик. И ушли, ура.

Госпожа Марта вошла следом, наклонилась ко мне, потрогала лоб, виски – уже успевшие покрыться испариной от слабости, шею, ладони.

- Что ты сейчас ощущаешь, деточка?
- Слабость, – честно сказала я. – И тошнит.
- Сейчас заварим тебе травы, – кивнула она.

Пришла Джемма, принесла поднос, на котором стояли чашка, кувшин и тарелка, на тарелке лежали уже знакомые мне хлеб и сыр. Ну хоть что-то. Но смогу ли я съесть хоть кусочек, если тошнит?

Впрочем, госпожа Марта налила в чашку воды и подержала в руках, и от той чашки пошёл пар. Тоже так хочу! Потом она бросила туда листочков, растерев их предварительно в пальцах, и я ощутила очень приятный пряный запах. У воды с ними тоже оказался приятный запах и вкус – лучше, чем в целом у здешней.

– Полежи немного, – сказала госпожа Марта. – Тебе нужно снова набираться сил, откат от стихийного магического всплеска – штука непростая.

– Госпожа Марта, расскажите мне... о магии, – прошептала я. – Должна же я понимать, что со мной происходит.

8. История с географией

Целительница посмотрела пристально, дождалась, пока шаги Джеммы стихнут в коридоре, и спросила:

– Так ты в самом деле ничего не помнишь?

– Мне сейчас кажется, что не знаю, что вовсе не слышала о магии. Только в сказках. Могло такое быть? – я пробовала почву.

Открыто врать не хотелось, не оставляло ощущение, что старушка видит меня насквозь и учует ложь на подлёте. А она, вроде бы, расположена ко мне, или просто добра ко всем, и ко мне тоже. Придётся изворачиваться.

– Многое может быть, даже такое, о чем мы не знаем, не слышали и не догадываемся, – медленно кивнула госпожа Марта. – Что ты вообще помнишь?

– Ничего. Вроде бы ничего во мне не протестует, когда говорят о моём отце или о магии, но я не могу представить лицо отца, и магия напугала меня не меньше, чем Ворону, – имя хозяйки заведения я, не удержавшись, произнесла с презрением.

– Поостерегись плохо говорить о матушке, – покачала Марта головой. – Она владелица дома, ей платят мужчины, от неё зависит благополучие всех, кто в доме живёт. Какой бы она не была – она даёт многим возможность не умереть с голоду или как-либо ещё. И тебе сейчас – тоже. Да, она любит послушание, а тебя учили управлять, а не подчиняться. Но тебе всё равно пришлось бы подчиниться мужу и королю. Поэтому – терпи и учись. Пригодится. Вспомнишь ты всё или нет – но пригодится. Твоя задача – выжить, сейчас – выжить. Тот, кто укрыл тебя здесь, глупцом никак не был, потому что дом матушки Вороны – последнее место, где станут искать Барбару Ливарио.

Управлять? Ну-ну.

– А... что случилось с имуществом? И как велико оно было? – надо же знать, чего лишилась.

– Достаточно велико, – усмехнулась Марта. – Замок фамилии, замки поменьше – не то три, не то пять, и сколько-то деревень, надо думать. И город Акри, который вроде бы независим, но со всех сторон окружён землями Ливарио, и вся торговля фактически зависит от графов. Сейчас – от того, кого король сделает новым графом. Или от того, кто разыщет тебя и возьмёт в жёны, узаконив тем самым свои притязания.

– Не надо меня в жёны, – дёрнулась я. – Может, мне лучше наоборот – объявиться и разобраться во всём? Король-то как – приличный или так себе?

– Ох, беды у тебя язык, деточка, – вздохнула Марта. – Король – господней милостью Руджеро, из дома Отвилей. Младший брат короля Ниаллы. Тоже пришелец с севера, как твоя мать.

– А мой отец?

– А твой отец – из древней знати. Говорил всем, что прямой потомок выдающегося деятеля древней империи – той, что давно пала, не Бизантиума. В Адрианополе сидит всего лишь потомок младшей ветви великий императоров.

Какие-то имена казались мне знакомыми. Говорили мне родители – изучай историю, пригодится! Да вот только мне было скучно запоминать, кто с кем что делил и за что воевал, кто когда издал какой закон и что из того вышло. Неужели зря?

Но... если ты не делал чего-то раньше, это же не значит, что не нужно делать никогда, правда? Если для того, чтобы пробудиться, нужно здесь что-то сделать, ну, я постараюсь. Если есть цель – всегда легче, чем если её нет.

– А король – он не может, ну, наказать тех, кто захватил наше имущество? Если о нём нельзя говорить плохо, то он, наверное, должен что-то делать, чтоб говорили хорошо?

– Король хотел включить ваши владения в семейное имущество, потому и согласился на брак своего младшего сына с тобой.

Что? Я – невеста местного принца?

– И... где тот принц? – бывает же, а?

– Там же, где твой отец, – вздохнула Марта.

А, ну, всё нормально. Варя – тридцать три несчастья. А уже было губу раскатала, что хоть во сне всё хорошо. Нет, «всё хорошо» – это не про меня, как бы это не называлось, явью или сном!

– А... кто его убил? Эти... Дожди?

– Нет. Говорят, измена, и королевский военачальник Фабиано Апостоли открыл дворцовые ворота Пустынным Тиграм. Младший принц, недавно прибывший из Адрианополя, где набирался ума-разума, погиб, защищая старшего брата и наследника, а ещё – близкого друга и молочного брата. Друг, Гаэтано Фелицио, вроде бы выжил, но пропал, после той ночи его не видели. Вроде бы покинул город, так болтают, да и всё. Хорошо ещё, что погибший принц Руджеро не наследник, а наследник, принц Годфруа, жив и здоров, и буквально вчера показывался в городе. Проезжал с большим отрядом, девчонки, будь их воля, из окон бы свешивались, да в здешних окнах не очень-то повисишь.

– А у старшего принца... есть невеста?

– Да, за него сговорили кузину, откуда-то с материка, издалека. Они ж пришлые, и невест ищут тоже пришлых.

– Откуда только все всё знают!

– Так и на площади кричат, и на рынке новости рассказывают.

Наверное, моя голова слишком мала, чтобы вместить в себя всё это – Дожди, Тигры, военачальники, принцы... а мы хотели, вообще-то, о магии! Я хотела.

Шаги, шелест занавески.

– Вот, я дождалась, – это Джемма пришла.

Я попробовала пошевелиться – после процедур госпожи Марты это оказалось уже не так сложно. Мне удалось сесть, а из большой миски, которую принесла Джемма, я учуяла упоительный запах рыбной похлёбки.

Госпожа Марта помогла мне сесть поосновательнее, и поставила поднос на колени, сама села рядом – Джемма и ей принесла миску с ложкой, и сама села прямо на пол у стены. Дома я бы сто раз подумала, есть ли какую-то там похлёбку с рыбьей мелочью, которую сварили прямо с головами и хвостами. Но Джемма угнездила у себя на коленях глубокую тарелку, а ещё одну взяла госпожа Марта, и обе уже начали есть – именно с головами и хвостами.

Значит, и мне можно.

На вкус похлёбка оказалась восхитительной. В бульоне, кроме рыб, плавали куски морковки и лука, и какие-то пряные корешки. И крупа. А что, хорошая еда, жидкая и горячая, мой пустой желудок возрадовался. Со свежим хлебом содержимое миски ушло моментально, и сыр, и принесённые Джеммой яблоки.

– Вот и славно, – госпожа Марта положила ложку в пустую миску. – А вот ещё скажи мне, Джемма, куда подевались вещи Барбары?

– Какие вещи? – лицо той сделалось вот прямо лисьим – ничего не знаю, мол, ни про какие вещи.

А я заинтересовалась – что, у богатой меня было что-то, кроме рубахи?

– В которых её сюда привезли, – Марта не сводила глаз с Джеммы.

У той глаза забежали, руки затряслись, а потом ещё и нос зашмыгал.

– Мы... госпожа Марта, мы не подумали...

– И о чём же вы не подумали? – голос госпожи Марты оставался мягким, но я ощутила напряжение в воздухе и поняла, что та каким-то образом заставляет Джемму отвечать

– Ну... что ей понадобится, – прошептала Джемма.

Да они ж думали, что я не очнусь, дошло до меня. И вещички-то прибрали. А Ворона мокрохвостая не так богата, как хочет показать, и ей, наверное, вправду нечего мне дать, кроме простых шлёпок на ноги.

– Сейчас ты пойдёшь и принесёшь всё, поняла?

– Но... я не знаю, что у кого, – и ведь ещё пытается юлить, дошло до меня.

– Так узнай, – припечатала госпожа Марта.

Джемма подхватила и выбежала, кажется – в слезах.

– Не печалься, деточка, и не обижайся на них. Они видели в жизни мало хорошего – почти все. А у тебя ещё целый сундук вещей, тебя не в одной рубахе привезли.

– И как только они до того сундука не добрались, – выдохнула я.

– Не смогли открыть, – усмехнулась Марта.

Так-то да, я сама тоже не смогла. Сказать об этом?

– По правде, и я не открыла.

– Откроешь ещё, – усмешка Марты вышла добродушной.

Джемма вернулась, и принесла, можно сказать, богатство – длинное шерстяное платье, пару чулок, кожаные башмаки с завязками, какой-то кусок ткани с узорчатой каймой, кожаный ремень с красивой пряжкой и кожаную же сумку с петлями – видимо, чтобы подвесить на тот ремень. В сумке лежал костяной гребень, пара носовых платков, мелкие ножницы, иголки и нитки, маленький ножичек и деревянная ложка. Вот так, уже что-то. Не пропаду.

– Спасибо вам, госпожа Марта, – сказала я совершенно от души. – Так-то уже и жить можно, ещё бы рубаху чистую найти.

– Найдёшь, – кивнула Марта.

– И мне завтра обязательно нужно в баню.

– Понимаю, – кивнула целительница. – Сделаем. А сейчас спи, хорошо?

Она коснулась моего лба пальцем – и глаза мои закрылись всё равно что сами собой.

9. Волшебное слово «пожалуйста»

Меня ещё раз будили поесть – видимо, вечером, и видимо, по распоряжению госпожи Марты. И проснулась я утром уже достаточно бодрая – и духом, и телом. Встала с постели, осмотрела кувшин, убедилась, что пуст, и задумалась – если я вчера как-то вызвала много воды, то смогу ли я наполнить кувшин?

Эх, знать бы ещё, как это сделать! Что там говорили вчера? Близко море? Наверное, и река какая-то есть? И как сделать, чтобы вода откуда-то там оказалась вот в этом кувшине?

Я закрыла глаза и представила, что наливаю в кувшин воду. Из-под крана. Вода льётся, хорошей такой струёй, и её можно пить – как дома. Я даже ощутила вкус той воды... и тут руки мои приподнялись над кувшином и сделали что-то. Какой-то жест. И ещё один. Голубоватое сияние я увидела даже сквозь сомкнутые веки.

Открыла глаза... кувшин был полон воды. Но как?

Пришлось признать, что здешняя я знаю и умею больше, чем кажется на первый взгляд. Так, а если я подумаю о том, что эту воду бы немного подогреть? Как делала вчера с чашкой госпожа Марта?

Подумала, не помогло. Села рядом на пол. Сделала пару глубоких вдохов. Прикрыла глаза...

Руки снова всё равно что сами взлетели и что-то сделали. Я сунула палец в кувшин... отличная, замечательная вода! Немного слишком горячая. Ну и пусть.

Я сняла рубаху и умылась – пусть без мыла, о мыле подумаем. И о каком-нибудь средстве для чистки зубов тоже подумаем. Дезодорантов, наверное, здесь просто не знают, ну да ладно, как-нибудь.

Навык мытья в тазу из кружки у меня был – не так давно перестали на всё лето горячую воду выключать, ещё не забыла, как это делается. Вот только где бы достать чистую рубаху? Очень уж не хочется надевать ту, что есть, пропотевшую и грязную. А после бани как? Опять её же? Нужно спросить ту же госпожу Марту, она, вроде бы, не злобная, гадостей от неё я не видела, одно добро.

Джемма появилась как раз в тот момент, когда я раздумывала – что делать с рубахой.

– А, ты проснулась, – она как будто была чем-то разочарована.

– Да, доброе утро. Подскажи пожалуйста, откуда здешнее население берёт чистые рубахи?

– Кто стирает, кто в магическую чистку отдаёт – если матушка разрешит.

Ну, мне матушка не разрешит, это точно.

– А что за магическая чистка?

– Кто владеет бытовой магией – они умеют сделать чистым всё.

– А ты владеешь? – я взглянула на Джемму пристально.

– Совсем немного, – потупилась та.

– Покажи, как это бывает. Я в самом деле не помню. Пожалуйста.

Вот и не верь после такого, что «пожалуйста» – волшебное слово! Взясась за подол, растянула его, разгладила, руками повела – и никаких вам пятен. А потом выше и дальше – раз, и готово. И вот уже Джемма стряхивает руки, а я ошалело гляжу на белоснежную сорочку.

– Спасибо тебе большое. Хочешь умыться горячей водой? У меня немного осталось.

– Что? – она посмотрела так, словно я сказала что-то не то.

– Вода. Горячая. В кувшине. Немного. Хватит помыть руки и немного лицо.

– Ты правда хочешь поделиться? – она почему-то не верила.

– Правда хочу, – кивнула я.

– Благодарю тебя, я буду рада, – та наклонила вежливо голову.

Я полила ей из кувшина на руки, потом ещё и лицо вышло умыть.

– Вот и всё, больше разговоров, – отряхнулась я. – Скажи, а вообще где вы все тут берёте одежду и простыни?

– Матушка Ливия занимается бельём. Если хочешь, сходим к ней после завтрака.

– Хочу, ещё как хочу, – закивала я. – Когда завтрак?

– Уже сейчас. Ты оденешься?

– Да, мне же вроде бы теперь есть, во что.

Я надела чулки – приличной вязки из мягких ниток, они вроде бы даже не спадали. Платье, оказывается, нужно было надеть поверх рубахи. Оказалось, оно из тонкой коричневой шерсти, с жёлтой вышивкой замысловатым орнаментом по подолу. В боках шнуровка, с её помощью ткань легла точно по фигуре. Рукава длинные, даже немного слишком длинные, их пришлось подсобрать. И башмаки – из хорошей мягкой кожи, тоже с вышивкой, и на плетёные шнурочки завязываются. Ремень на талию, ой, не выходит, дырочек не хватает. Значит – на бёдра. И сумочку пристегнуть, там нож и ложка.

Со всем этим великолепием никак не гармонировали мои жуткие грязные волосы. Варвара-краса, длинный хвост. Я очень сомневалась, что это богатство удастся расчесать. Впрочем, попробуем.

– Скажи а баня-то когда?

– Так после завтрака соберёмся и отправимся. Туда же почти на весь день.

О как, что в бане делать весь день? Ладно, разберёмся.

Джемма проводила меня на первый этаж – там я увидела большую залу с лавками и столами, сейчас наполовину занятыми. Джемму позвали куда-то сесть, но она сначала честно довела меня до местной раздачи – в глубине помещения прямо к стене была пристроена большая кирпичная печь, над ней висел котёл, и ещё один стоял рядом на лавке. Из котла накладывали кашу, то есть я решила, что это каша – какая-то разваренная крупа. Пахло съедобно, и моё нутро тут же громко заурчало.

– О, принцесса поднялась, – прокомментировала моё появление женщина у котла.

– Доброе утро. Дайте мне поесть, пожалуйста, – сказала я.

– Ты глянь, какая любезная. Дождь пойдёт, не иначе. Уже забыла, как нос перед всеми задирала! – женщина толкнула в бок ещё одну, возившуюся у печи.

– А ты язык не распускай почём зря, – окоротила та скандалистку. – К тебе с добром, так и ты держись пристойно. – И тебе доброе утро, – кивнула она мне, отодвинула коллегу и сама положила в миску кашу, а в чашку налила что-то вроде компота, и ещё хлеба положила.

Я оглянулась – куда деваться-то с едой? Как в больнице, право слово. Какие-то незнакомые девушки рядом вдруг неожиданно пододвинулись, и освободили мне место с краю лавки.

– Садись, – кивнула ближайшая.

– Спасибо, – я поставила свою тарелку и чашку.

Села и принялась за еду, поглядывая в зал.

Разных девушек за столами я увидела чуть больше двадцати. Постарше, помладше, некоторым к тридцати, больше всего жгучих брюнеток, но есть и две светловолосых. Тоже от северных родителей? Одеты все проще меня, я б не отказалась от обычного простого платья, но мне ведь его не дали.

Девушки за моим столом перешёптывались о своём, я их не слушала. Но и на меня поглядывали. Ладно, гадостей не говорят – и хорошо.

Мамаша Ворона зашла, когда я уже допивала свой компот – яблочный, судя по всему. И сказала, что в баню – через полчаса, кто опоздает – сам виноват.

Значит, постараемся не опаздывать.

Тарелки все мыли сами в тазу с водой сомнительной чистоты и вытирали полотенцем столь же... сомнительным. Я бочком подошла к тазу, закрыла глаза и пожелала тарелку воды. Потом догадалась освободить одну руку, пожелала ещё раз... вышло. Ну вот, хоть что-то. И хорошо, что каша не жирная. Помыть, вытереть краешком, поставить в стопку. Поймать на выходе Джемму.

– Ты обещала показать, где искать матушку Ливию.

– Да, пойдём, – кивнула та.

Матушка Ливия обитала на том же первом этаже. Габаритная и пухлая, в отличие от габаритной и плотной Вороны.

– Матушка, это Барбара. Новенькая.

– Уж вижу, – закивала та.

– Добрый день, госпожа Ливия, – кивнула я.

– Ух ты, – усмехнулась... кастелянша? Завхоз? – С чем пожаловала?

За её спиной в комнате виднелись полки с невероятным богатством – по виду, это были простыни, или что-то, очень на них похожее.

– С просьбой, – я даже немного поклонилась, на сцене так делали. – Мне нужны чистые простыни. И... подушка. Пожалуйста.

Вместо подушки у меня был мешочек с сеном. Наверное, мне дадут другой?

– Приноси грязное, – кивнула Ливия.

– А пары простых рубах у вас, случайно, нет? И совсем простого платья. Боюсь, моё... не слишком подходит для здешней жизни.

– Неужели наденешь стиранные рубахи и не самое новое платье? – усмехнулась Ливия.

– Надену, – не моргнув глазом, согласилась я.

Наверное, это не страшнее простыней?

Нет, оказалось не страшнее. И я даже успела унести всё это к себе, и переодеться в серо-коричневое платье класса «как рубаха, только просторнее» – для бани мне это показалось более правильным.

Оставался вопрос с принадлежностями... но пришедшая за мной Джемма сообщила, что всё есть на месте. А сейчас уже пора идти.

10. Повелители гармонии

Я вышла наружу вслед за Джеммой и оказалась во дворе. Внутреннем дворе. Жадно огляделась – когда ещё удастся?

Дом походил на крепость – квадратный, с башнями по углам. В двух углах башни, два других – просто углы. Трёхэтажный. Ничего себе у Вороны зданьице-то, вряд ли здесь дешёвая недвижимость. Или расположен в отхожем месте здешнего мира?

– Пошли, нечего глазеть, – дернула меня Джемма за рукав.

Так, а куда мы пошли? О, кажется, это называется – носилки. Будочка на двух длинных жердях, несут такую будочку четыре человека. А конями не удобнее?

Джемма затянула меня внутрь, я зашла и села – низкие лавочки, лянляые подушки. Два места – лицом к лицу. Я по привычке начала беспокоиться о том, чтобы не сесть спиной по ходу движения, но не знала, куда будет этот ход, и просто села. Оказалось – правильно села. Нашу будочку рывком подняли вверх и потащили. Как смогли, так и потащили. Не знаю, есть ли тут кареты, но это средство передвижения кажется ненадёжным. Например, что будет, если один из носильщиков подвернёт ногу?

– А кони не возят такие носилки? – спросила я.

Джемма посмотрела на меня, как на дурочку.

– Где ж ты столько коней найдёшь? Да ещё чтобы по улице пройти можно было!

О да, а людей – достаточно. И нанять людей, наверное, дешевле, чем держать коней.

Мы вывалились из квадратного двора в узкую улицу. Её, очевидно, проектировал кто-то нетрезвый, потому что она была очень узкой и очень извилистой. Они что, не понимают, что широкие и прямые улицы – проще для всех?

А ещё на улице было очень шумно. Джемма задёрнула шторы, но шторы – так себе шумоизоляция. Мимо катилось какое-то невероятное людское море – и это было очень горластое людское море. Кто-то продавал лимоны, кто-то выхвалял кота – крысолова, кто-то сообщал последние новости – что-то вроде «королевский указ – кто укрывает изменников, тот сам изменник». Господи. По моему сну можно снимать исторический фильм! А ещё, кстати, запахи. Какой-то еды, ещё какой-то еды, навоза. Интересно, как далеко нам ехать?

Оказалось – недалеко.

Носилки опустили на землю, Джемма юркнула наружу, я осторожненько выбралась следом за ней.

Ого себе, какие ворота! Даже не ворота, а прямо портик с колоннами, и уже внутри него – вход в огромный дом, кстати, вовсе без ворот. Я пошла за Джеммой по мозаичному мраморному полу, невероятно красивому, и попала в руки двух одетых в белое женщин.

– Проходите, госпожа, – поклонились они мне синхронно, подхватили под руки и повели внутрь.

Внутри было очень влажно, и тепло, очень тепло. На улице вообще не холодно, примерно – как поздняя весна или ранняя осень наших краях. А здесь – прямо баня. Впрочем, не туда ли я стремилась?

Мы шли по коридору, в который выходили открытые или занавешенные дверные проёмы. За открытыми виднелись залы и бассейны, настоящий спа-центр, изумительно. Но меня провели за очередную полосатую занавеску.

Мраморная лавка, коврик из деревянных плашек – очень хорошо отполированный. А рядом предел моих мечтаний – большая ванна, или маленький бассейн, наполненный горячей, судя по пару, водой.

– Пожалуйте, госпожа, – одна из женщин показала рукой на ванну, вторая принялась помогать мне раздеваться.

Какое же блаженство, господи! Как будто после леса – если ходил в горы, или за ягодой ездил, да даже после игры, раз у нас тут занимательное средневековье. И грязь смыть, и мышцы разогреть – хорошо-то как!

Женщины дали мне немного вылежаться, и принялись мыть. Намазывали какими-то зельями – пенящимися и мылящимися, скрабами, и отдушками. Одно из средств начисто удалило все лишние волосы – как после хорошей эпиляции. Поскребли пятки, срезали отросшие ногти, заполировали ногтевые пластины. Размяли хорошенько спину, плечи, ноги. Спа, да и только!

А потом приступили к волосам. И это оказалось очень неприятно.

Волосы местами свалялись, я пыталась прочесать гребнем хотя бы концы, но надолго меня не хватило. Сейчас же их пытались мыть и расчёсывать мокрыми, я так обычно и делаю, но – у меня-то волосы в несколько раз короче! Я бы, конечно, не отказалась посмотреть на себя с шёлковой гривой до подколенок, но – в другой раз, судя по всему. Потому что расчёсывать меня они будут до морковкиного заговенья, и половину волос при том выдерут.

– Дамы, можно минутку передышки? – взмолилась я. – Скажите, как к вам правильно обращаться? Я здесь недавно.

– Мы представляем Гильдию Банщиков, госпожа, – поклонилась та, что постарше.

– Отлично. Благодарю вас и Гильдию Банщиков в вашем лице, – я тоже поклонилась. – Скажите, что я должна буду вам за работу?

– Всё оплачено, – поклонилась та же дама. – Желаете воды, или расслабляющего отвара из трав, или лимонного сока с мёдом?

– Воды. Нет, травы. Сока тоже.

Они переглянулись, улыбнулись, и младшая вышла. Старшая же отжала мои космы льняным полотенцем и помогла мне выбраться на коврик.

Я завернулась в простыню, оглянулась... и увидела на стене незамеченное прежде зеркало. Подошла... и у меня перехватило дыхание.

Из оттуда, из зеркала, на меня смотрела незнакомка. Высокая и статная, я такой отродясь не была, и в родне никто таким не был, мелкие мы все. Дева отличалась, кроме хорошего роста, соразмерной фигурой – все округлости были в положенных местах, но – не слишком большие, и вообще – ничего лишнего. Тело выглядело молодым и спортивным.

Но – лицо совершенно замученное. Как после болезни. Всклокоченные длинные волосы только усиливали впечатление.

И что, вот это – я? Вот эта непонятная девица? Как, гм, изумительно. Я отложила мокрую простынь, встала на носочки, потянулась... работает. Кисти красивые, с длинными пальцами, когда руки в третьей позиции над головой – выглядят очень красиво. Оттолкнулась одной ногой, подобрала её к щиколотке в позицию, повернулась... хорошо. Развела руки в стороны, во вторую позицию – ничего не висит и не болтается. Хорошее тело, послушное. Тренированное, сказала бы я.

Дама из Гильдии Банщиков отвлеклась, я воровато оглянулась... взяла с полки у зеркала ножницы и отрезала две трети спутанного закатанного хвоста.

– Госпожа, что вы делаете! – ахнула та. – Как можно, волосы же, волосы мага!

Мгновенная ярость вскипела во мне – что, кто-то оспаривает моё решение? – но я быстро этот непонятный момент задавила. Потому что она права, ей ещё, наверное, прилетит за то, что я тут самоуправствую и вношу недозволённые свыше изменения в свою внешность.

– Спокойно, – ответила я. – Волосы сжечь. Прямо сейчас. Есть, где?

– Да, конечно, но...

– Не зубы, отрастут. То, что осталось, прочесать намного легче, правда?

– Правда, – согласилась банщица.

Вообще там осталось немало – лопатки были закрыты. Ничего, и впрямь вырастут.

Тут появилась вторая банщица с подносом, на нём был кувшин и три стакана. Кувшин оказался с водой, а в двух стаканах – трава и лимонный сок. Я выпила всё, и это было очень вкусно – и кисло-сладкий сок, и пряный отвар, и запить водой – хорошей, вкусной водой, не как у Вороны.

Вторая банщица тоже поахала про волосы, но согласилась – так проще. И дальше меня снова вернули в воду – которая оказалась проточной, вот диво-то! – намазывали волосы какими-то снадобьями и расчёсывали, и это уже было намного легче, а потом и вовсе легко. Подстриженные, волосы легли волнами ниже плеч, это даже оказалось красиво.

– Печь у вас где? – спросила я, имея в виду – бросить туда всё снятое, до последнего волоска.

– Но разве госпожа не желает использовать свою силу? – изумилась младшая банщица.

Что? Силу? Какую ещё силу? – думала я, а руки уже будто сами собой складывались в жест, и я с изумлением увидела пламя на кончиках пальцев. Только что не заорала, вот был бы номер! Тем временем пламя охватило лежащие на металлическом подносе пряжи и пожрало, и тихо опало само собой. Шевеление пальцев – и даже пепел куда-то делся. Я дождалась, пока выровняется дыхание и перестанет колотиться сердце, и опустила руки.

Ничего себе как я умею! Кто б раньше сказал, а?

Оказалось, что пока я блаженствовала в ванне, кто-то отлично отчистил рубаху и старое платье, в котором я пришла. Башмаки мои и так неплохие, и пояс с сумкой, а вот одежда теперь выглядела очень прилично.

– Благодарю вас, – сказала я на прощание. – Было очень приятно, надеюсь встретиться с вами ещё раз.

Они переглянулись странно – будто я сказала что-то очень не то. И низко поклонились в ответ – обе. И младшая подняла штору, показывая на выход.

Я и пошла в указанном направлении, и через некоторое время набрела на стайку знакомых девиц. Джемма тихо стояла с краю, что-то вещала пышноволосяя Амата, остальные внимали. Но вот заводила увидела меня и только что рот не разинула.

– О, смотрите, красотка наша пришла! А где космы-то свои рыжие потеряла? Побоялась, что таскать за них будут? Ну так мы и за то, что осталось, можем, – нагло сказала она.

– Поосторожнее с высказываниями, – вот нужно же было так всё испортить!

Добрые женщины каким-то чудом привели меня в состояние гармонии с окружающим, а тут эти вот!

Видимо, Амате гармонии не досталось. Она и вправду попыталась схватить меня за волосы, но ладонь с заполыхавшими кончиками пальцев прямо перед её лицом отрезвила. Я снова не поняла, как так вышло, но успела уловить телесное движение – всё же про тело я кое-что знаю. А сейчас, выходит, моя сила – в моём теле.

– Не смей, поняла? – я глянула на дуру, как могла злобно, и протиснулась между остальными. Ушла вперёд, к выходу, выбралась в портик, прислонилась к колонне и заревела об ушедшем ощущении счастья и покоя.

11. Поплакала – и будет

Я ревела в портике, и не смотрела по сторонам, и вздрогнула, когда кто-то положил руку мне на плечо. Глянула – госпожа Марта, тоже чистая и сияющая.

– Ты что, деточка? Кто обидел?

– Нет, нет... никто.

Вот ещё, про дрязги глупых сорок рассказывать! Ещё пусть только попробуют, я их...

Пришедшая мысль удивила – я никогда не была особо бойкой и наглой, никогда не встревала никуда, и даже когда в театре собачились за лучшие партии, меня это как-то миновало. Я сначала была юная талантливая звезда, а потом – сразу нет. И все, кто хотел на моё место, смогли туда попасть легко, и некоторые даже удержались.

Тут же мне хотелось раздавать оплеухи направо и налево, как будто я матушка Ворона, а не приличный человек. Что это такое вообще?

– Девчонок не слушай, – госпожа Марта гладила меня по голове. – Потрещат и перестанут. Главное – приходи в себя побыстрее. Вон уже какая красавица стала – загляденье.

– И зачем мне эта красота, скажите, – хлюпала носом я.

– Лишней точно не будет, – говорила госпожа Марта. – Не печалься, твоё положение – вовсе не конец света. Вернёмся домой, поешь, поспишь, завтра проще будет.

От слов Марты становилось спокойнее.

– Скажите, чего они на меня взелись? Я у них... последний кусок хлеба не забирала, – я чуть было не сказала – «партию не забирала».

– Бывают люди, которые не могут удержаться от того, чтобы не напасть на того, кто лишился возможности защищаться. А ещё они опасаются, что ты покажешь свой крутой нрав, и спешат ударить первыми.

– У меня крутой нрав? – усмехнулась я сквозь слёзы.

Куда там крутой нрав!

– Ещё какой, – усмехнулась старушка. – Суровый характер твоей северной матери плюс обыкновение твоего высокородного отца впадать в бешенство по всякому поводу – отличное сочетание! На рынке поговаривают, что ваш родовой замок не взяли бы, если бы ты была среди защитников, но тебя среди защитников не было.

– Я умею защищать замок? – изумилась я таким ожиданиям от своей особы.

Кто бы мог подумать-то!

– Конечно, умеешь, у твоего отца не было других детей, он учил тебя всему.

– И все это знают?

– Многие знают.

– Невероятно. А я не вышла на стены потому, что меня увёз эта скотина Ночной кто-то там, да?

– Ночной страж.

– Но зачем?

– Где уж простому целителю понять мысли и намерения Ночного стража, – усмехнулась Марта.

Голоса сзади известили о том, что мои невольные коллеги движутся наружу. Возглавляла их мамаша Ворона, такая же тучная, как и обычно, но теперь тоже чистая и аккуратная. Платье не было мятым, волосы – жирными, тряпица, которой они были подвязаны, сияла белизной. Надо же, как бывает. Впрочем, это же магия.

Насколько грязнее и неопрятнее были бы жители моего сна без магии, я решила не задумываться.

Дальше происходила уже знакомая мне процедура, только в обратном порядке – из-за угла приносили носилки, в них забирались сначала мамаша Ворона и незнакомые мне старшие женщины – по одной, только госпожа Марта села ещё с одной дамой в возрасте, тоже невысокой и хрупкой. А потом – девчонки, по двое. Со мной снова села Джемма.

Я пыталась осторожно рассматривать улицу, но – ступались сумерки, и это было непросто, ничего ж не видно. Никакого уличного освещения. Темно и всё. Окошки светятся – если ставнями не закрыты. Эх, экскурсию бы какую по городу, чтобы понять, как тут вообще что устроено! Но я подозревала, что девушек мамаша Ворона не очень-то любят добропорядочные горожанки, а если у меня тут какая-то непростая личная история, то есть – у моего здешнего персонажа – то мне тоже нужно быть осторожной. Это я ничего не знаю, в смысле – не помню, а люди-то меня очень даже знают, и некоторые прямо готовы что-то мне припомнить. Самое оно, да – все знают о тебе больше, чем ты сама. Красота неопишная.

Нужно было кого-то расспросить. Причём кого-то такого, кто не на уровне слухов на рынке, а кто лично меня знал до всего вот этого и будет готов помочь. Но есть ли такие? Или я теперь того, презренная предательница, раз меня не было на стенах, когда пришли выносить наш замок?

Я с удивлением обнаружила, что думаю, как будто снова на игре. Потому что где ещё так может быть? На игре или в виртуальной реальности. Второе даже вернее, на игре такой антураж делать – замучаешься. А картинку нарисовать любую можно. И даже населить её бегающими человечками.

Я жалела сейчас, что мало знала историю. Наверное, мне было бы проще сориентироваться. Но ничего, есть шанс, что я знаю людей. Если буду приглядываться к ним повнимательнее, то вдруг и найдётся, с кем поговорить.

Носилки прибыли во двор дома мамаша Ворона, она стояла у входа и покрикивала:

– Не задерживайтесь! Солнце заходит, ночь подступает, начинается наше время! Кто опоздает – сам виноват! Так, а ты что? – она заметила меня и схватила за плечо.

И я в последний момент подавила в себе порыв ударить её в ответ.

– Сибилла, отстань от неё, – госпожа Марта подошла и смотрела сурово. – Она нужна тебе живая? – дождалась ответного кивка и продолжила: – Значит, пока ещё оставь её в покое.

– Спасибо вам, госпожа Марта, – прошептала я, когда Ворона унесла свою тушу в дом.

– Не за что. Зайди, возьми еды, пока не началось, и брысь наверх спать, ясно?

– Да, госпожа Марта.

Я так и сделала – зашла на кухню, взяла себе каши, хлеба и лимонного отвара, и поднялась наверх. Поела, умылась вызванной водой и легла спать в максимально чистую и комфортную здесь постель.

Ну вот, уже что-то хорошее. Дальше будем разбираться завтра.

12. Об устройстве местной жизни

Мне удалось спокойно прожить на своём третьем этаже всю следующую неделю.

Я спала – сколько спалось, мне не мешали. Мамаша, наверное, опасалась нового ведра воды на голову, а из девчонок ко мне заходила только Джемма – проведать, есть ли я тут ещё или в небо улетела. Нет, в небо не улетела, куда мне в небо.

Сказать по правде, выспалась я уже на третий день. И пошла узнавать, чем в доме люди занимаются, потому что рабочее время заведения начиналось с наступлением сумерек, а жизнь теплилась уже с утра.

Оказалось, что все, занятые на работе, потом спали, сколько спалось, хоть бы и до вечера, и им никто не мешал. А потом должны были привести себя в подобие порядка – как они здесь это понимали – и в сумерки явиться в большой зал внизу.

В зал приходили гости – и им там подавали выпить и закусить, готовкой занимались отдельные специальные люди. Местные девушки разносили заказы, и если кто-то выбирал их на час или на ночь – уходили с ним в свою комнату. Иногда предлагалась развлекательная программа – однажды я подглядела в щёлку, как Алесса играла на струнном инструменте, Амата пела, а Пинья танцевала что-то в восточном духе, отдалённо похожее на беллиданс. На руках и ногах у неё что-то звенело, поверх обычного платья был надет пояс с цепочками и украшениями, распущенные волосы то и дело взлетали. Она довольно бойко отстукивала босыми ногами ритм, и ей удалось завести зал – в такт её движениям хлопали, топали и местами что-то кричали и свистели. Я так увлеклась, что едва успела спрятаться от шествующей мимо мамаша Ворона – она тоже шла посмотреть, как там в зале.

К тому моменту я уже знала, что Ворона – маг, но её способностей не всегда хватает на то, чтобы осветить себе лестницу в башне ночью. И вообще магов вокруг было намного больше, чем не-магов, но все они умели по чуть-чуть. Наверное, госпожа Марта – серьёзный маг, но вывести её на разговор о магии, как она есть, мне пока так и не удалось. Ей всё время было некогда.

Зато удалось поговорить с матушкой Ливией. Та была добродушна и смешлива, и когда я пришла к ней и сказала, что готова приносить какую-нибудь посильную пользу – ну нужно же мне чем-то заниматься! – то она посмеялась и сказала мне посмотреть и красиво уложить полученное из стирки постельное бельё.

Мне и думать было боязно, как и чем тут стирают. Наверное, наматывают на палку и колотят? В плохой воде? Впрочем, о том, что город – порт и стоит на берегу моря, я уже знала, и что небольшая речка есть – течёт с гор, да, горы тоже есть. Одна даже огнедышащая – так сказала Джемма. По ней определяют, что думают о жителях острова Устика господь всемогущий и некоторые другие высшие силы.

Какие другие? – тут же зацепилась я. И узнала, что есть достойные христиане, есть менее достойные христиане восточного толка, а есть вовсе неверные. И может быть, кто-нибудь вовсе верит в древних языческих богов, как на Севере, – на этом месте Джемма стрельнула в меня глазами и убежала.

Ладно, я-то вообще про стирку. Грязное постельное бельё и рубахи отдавали куда-то прачкам два раза в неделю. И потом дважды в неделю его возвращали обратно – вроде как стираное, но жёсткое, колом стоящее. И матушке Ливии нужно было растрясти, поколотить резным деревянным валиком, чтоб стало помягче, аккуратно свернуть и разложить по полкам. В этом-то я ей и помогала, потому что на словах может быть и легко звучит, а по факту было тяжело.

Я спросила – а почему больше никто не помогает. Но она только фыркнула – мол, остальные девицы лучше со скуки расплющатся, чем пойдут и сделают что-нибудь полезное. Неужели в прошлом богатые дамы, думала я. Или наоборот, из таких семей, где с детства приходилось много и тяжело работать, и они тут отдыхают?

Джемма-то точно не была из тех, кто много и тяжело работал. Но и здесь не стремилась. Я спросила её – нет ли у кого-нибудь что-нибудь почитать, и кажется, это была моя большая ошибка.

– Рехнулась, да? Почитать ей подавай! Вот прямо грамотная, да?

Тут я задумалась, что пока ни разу её мне не показали здешней письменности, ни единого клочка. Я и знать не знаю, как здешние буквы выглядят, вряд ли, как наши. Но вроде бы мамаша Ворона вела какие-то счётные книги, и с управляющим они что-то обсуждали про приход, расход и закупки, я слышала. Значит, она как раз грамотная.

Джемма, поганка, растащила по всем остальным мой запрос про книгу. И теперь меня цепляли ещё и за это – мол, нашлась тут грамотная. Тьфу, короче.

Впрочем, девчонки, как оказалось, чему-то тут понемногу учились.

Самых соображающих мамаша Ворона приобщала к ведению хозяйства и поручала что-нибудь запланировать или сосчитать. Кто-то даже на рынок ходил вместе со слугами, и руководил закупками там каких-то продуктов и доставкой их в дом. А что, правильно – если потом то самое счастье, когда кто-то вдруг взял к себе. Не женой, так экономкой.

Матушка Ливия занималась шитьём. Учила снимать мерки, рисовать на ткани здешние незамысловатые рубахи и туники, и собирать всё это при помощи ниток, иголки и десятка швов – функциональных и декоративных. К ней ходили заниматься человек семь-восемь, и эти девчушки обычно выглядели более опрятными и аккуратными, чем остальные.

Госпожа Марта учила основам врачевания, фактически – оказанию первой медицинской помощи. И очень толково учила, с использованием знаний из анатомии и физиологии, плюс свойства местных растений и как мы их применяем, с чем можно справиться самим, а в каком случае не обойтись без целителя. И про то, что рану, например, нужно держать в чистоте, она знала, и рассказывала – однажды на примере пальца Делии. Та где-то обо что-то порезалась, потом замотала ладонь грязной тряпкой, и пришла к госпоже Марте только когда началось воспаление. Госпожа Марта, пока чистила, высказывалась едко и безжалостно – о том, что голова на плечах не повредила ещё никому, а вот её отсутствие приносит неисчислимые беды. Делия, обычно очень острая на язык, тут только вздыхала и со всем соглашалась.

Два-три раза в неделю приходила матушка Рания. Объёмная, как Ворона, и добродушная, как Ливия, она учила девчонок основам музыки и танца. Правильно, это всё очень даже годится для того, чтобы привлекать мужчин. А итоги её работы потом входили в шоу-программу.

Честно сказать, когда я увидела всю эту деятельность, у меня прямо засвербило где-то внутри – я сама не заметила, как начала прикидывать, какое представление можно было бы сделать из такого вот коллектива. У меня на занятиях бывали разные люди, и юные, и пожилые, и с нуля, и с опытом, и мне удавалось встроить всех. Но здесь пришлось жёстко себя одернуть – потому что нечего. Ты тут ещё не поняла, как тебе жить, а туда же – выступления придумывать.

Но эти мысли подтолкнули меня к тому, чтобы утром начать делать сначала зарядку, а потом и разминку из классического экзерсиса. И как же это оказалось хорошо – растянуться, вновь почувствовать, что тело тебе подчиняется, что без напряжения можешь положить ладони на пол и так постоять, что поддаётся планка, что колени не мешают садиться в гранд-плие, что встать на полупальцы – легко, и можно не валиться с них в пируэте. И после ничего не болело, ничего! Только обычная нормальная мышечная усталость после нагрузки.

Вот так – друзей здесь у нас нет, значит – работаем в первую голову на себя, думала я.

А потом оказалось, что есть ещё один предмет и один преподаватель. Раз в неделю днём приходил отец Доминик, священник из близлежащей церкви, и беседовал со здешними жительницами о законе божьем. Не более и не менее. И когда я забрела на это занятие и со вниманием выслушала всё, о чём они говорили, то по завершению священник глянул на меня и сказал:

– Очень хорошо, дочь моя, что ты пришла. Остаься, поговорим.

13. Верные и неверные

Я молча кивнула – почему бы не поговорить?

Священник был худ, чтоб не сказать – тощ, и лыс. Невысок ростом, он обладал проворными пальцами, живо перебирившими чётки. Сидел на лавке и не сводил с меня глаз.

Прямо сказать, я очень пожалела, что заглянула сюда, и проклинала себя за любопытство. Что я ему скажу? Что я знаю о том, как и во что они тут верят? А верят мощно, я уже успела убедиться.

Я сидела напротив – и тоже принялась его разглядывать. В серой одежде – довольно старой, по подолу лохматой, с неподрубленным краем. Подпоясан верёвкой. На том верёвочном поясе чётки и что-то ещё, вроде кошеля. И на шее – деревянный крест.

Вообще крест на шнурке на мне был. Я его почти не замечала – есть, и ладно, очевидно, нужен. Видимо, здешняя я привычная – вот и не замечаю. Значит, меня крестили и всё такое.

– Скажи, является ли твоё пребывание в этом доме добровольным? – спросил священник.

Эк загнул! А что, остальные, он хочет сказать, сидят тут по большому желанию? Нравится профессия и вот это всё?

– Меня не спрашивали о моём желании, когда привезли сюда, – сказала я честно.

И о том, хочу ли я видеть такой сон, тоже не спрашивали. Если о таком вообще кого-то спрашивают.

– У тебя есть дом?

Э-э-э, как бы вам сказать-то...

– Вы знаете, кто я?

– Нет, дитя моё, не знаю. Я совершенно точно не встречал тебя ранее.

Вот всё и стало понятно. Те, кто знает моё имя, с трудом удерживают язык на привязи. Или не удерживают. А этот добрый человек просто со мной не знаком.

– Мне сказать?

– Ты ведь знаешь особенности этого места – даже если ты скажешь, я забуду всё это, выйдя наружу. Другое дело, что на любое магическое действие может быть найдено противодействие, и я не хочу, чтобы братья мои или кто другой принялся выяснять у меня, кого здесь можно встретить.

О как! Так это выходит что, тот, кто привёз меня сюда, знал, что делал? Если люди, выходящие отсюда, забывают детали, то даже если сюда забредёт какой-то мой знакомец из прошлой жизни, то он потом не сможет ничего никому рассказать? Какая прелесть.

Но с другой стороны, и хорошо, что о пребывании дочери графа Ливарио в заведении мамы Вороны не будут болтать на площади. Интересно, а женщины из бани, они как? На них тоже какой-то блок стоит?

– Понимаете, я, наверное, знала, но забыла. Примерно всё. Меня поили сонным зельем в неумеренных количествах, я выжила... чудом господним, – в последний момент я придумала, как это сказать, чтоб если не правильно, то похоже.

– Верно, дочь моя, чудом господним. Молись, и тебя услышат, и даже в тяжёлый час будет проще. Тем более, ты уже ощутила господню благодать и господню мощь.

– Да, – я молча склонила голову.

Дальше он снова взялся за чётки и принялся произносить молитву – поглядывая на меня и как бы приглашая присоединиться. Я прислушалась, настроилась... о боже, губы мои начали говорить что-то, мне неизвестное. Наверное, то, что надо, я на это очень надеялась, потому что язык был незнаком мне совершенно. Но, кажется, я и вправду это знала, и повторяла достаточно часто, чтобы выработать привычку.

Но если он не вспомнит, о чём здесь говорил и с кем, то может быть, спросить о том, как здесь устроена вера? Я-то не забуду. Или забуду?

Так, кажется, есть тема для разговора с госпожой Мартой. Только бы поймать её без свидетелей. Сама-то она уже не заходит – с тех пор, как я более-менее встала на ноги.

– Скажите, отче, что должен знать о вере каждый человек? Что важного я могла забыть? Мне, признаться, страшно остаться без такого рода покровительства.

– Мне думается, что такое – не забывается. И если тебе кажется, что ты что-то забыла, то это – только сейчас. В миг, когда будет нужно – вернётся непременно. Ты же вспомнила «Отче наш»! Вспомнишь и молитву Пречистой деве, и символ веры тоже вспомнишь. Давай вспоминать вместе. Верую во единого Бога, Отца всемогущего, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого...

– И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного... – неуверенно продолжили мои губы.

И дальше мы в унисон с отцом Домиником бодро рассказали столько слов, сколько я сама-то и не знала, наверное. Нет, знала – потому что культурный контекст, простите за выражение. И что этот культурный контекст вот так странно отзовется во сне – не ожидала.

– Скажите, отче, все ли веруют так, как подобает?

– Все веруют так, как подобает им от рождения, – вздохнул священник. – Есть и бизантиане, упёртые более, чем то подобает добрым христианам, есть и вовсе неверные, которые захватили было священные для всех христиан места, но добрые люди по слову понтифика отправились на Восток и отвоевали Гроб Господень.

Что-то такое я слышала, да. Кино про царствие небесное, и ещё что-то там.

– И... как там сейчас?

– Балдуин, король милостью господней, правит христианами и держит границы от неверных, – сказал священник. – Сам я не был так далеко от дома, но множество добрых жителей Монте-Реале – были, и возвращались. Они и рассказывают.

Источник новостей – рассказы очевидцев. Замечательно. Интересно, остались ли очевидцы выноса моего имущества? И можно ли их отыскать и расспросить?

– И насколько страшны неверные? – спросила я, чтобы, ну, что-нибудь спросить.

– Не страшнее прочих, но из-за того, что неправильно взращены и неправильно мыслят, гореть им в вечном пламени. Их ведь много в городе, да и сюда, как я понимаю, тоже захаживают, все – и Дожди, и Потомки Пророка, и Тигры.

Что? Замок вынесли неверные? Не какая-то банда, как я сначала подумала? И королевский дворец – тоже? Ладно, я не буду сейчас расспрашивать доброго святого отца о местной политике. Найду ещё, кого о ней спросить.

Отец Дамиан благословил меня, и мы распрощались. Кажется, дальше он потопал к Вороне. Пусть, всё польза.

А я увидела входящих в комнату Алессу и Пинью – кажется, они пришли на какое-то следующее полезное занятие. И кто ж меня за язык-то дёрнул, когда я спросила:

– Пинья, скажи, а где можно добыть лист бумаги и перо?

Чем они тут пишут-то? Я б хоть молитвы записала.

– Вы только на неё посмотрите, на эту принцессу! То книги ей подавай! То бумагу с пером! Сама богатая, так решила, что все богатые?

– Зачем они сдались, книги эти и бумаги? – не поняла Алесса.

– У матушки есть расходные, больно умная да грамотная – иди и считай!

Да, кажется, ни одна из них в группу подготовки счетоводов и экономок не входила. Видимо, из-за неграмотности?

Я встала и ушла, но в тот момент и предположить не могла, во что встряну благодаря этому разговору.

14. Вместо жребия

Я шла коридором поглазеть на вечернее шоу в большом зале. Кажется, сегодня приготовили даже не один номер, а несколько – кроме Пиньи, в побрякушках для танца были ещё Бригитта и Лючия. Амата пела в зале, а эти шептались у дверки, через которую попадали на импровизированную сцену, и с ними ещё стояли Делия и Агата. Джемма подошла с противоположной стороны, и тоже склонила голову к остальным. Судя по всему, обсуждали что-то сверхважное, что же? И тут Пинья заметила меня.

Она была очень красива и неплохо двигалась – и смогла бы ещё лучше, да только для того нужно было нагружать себя каждый день, а на занятиях у матушки Рании девчонки и так верещали, что устают. Куда там устают, их бы к станку на часок, потом бы я на них посмотрела! Правда, матушка Рания воздевала руки и говорила, что раз ей свыше были посланы девчонки глупые, неумелые и непослушные, то её долг сделать из них что-то приличное. И пусть они уже умолкнут, ради всего святого, и начнём ещё раз.

Меня что-то удерживало от посещения занятий матушки Рании. Мне очень хотелось прийти и попробовать, но я не решалась. И продолжала утрами стоять в планке, отжиматься, растягиваться, а вместо станка придумала использовать изголовье моего кроватного ящика, оно располагалось на нужной высоте.

А сейчас девчонки-танцовщицы стояли тесным кружком и глазели на меня, а Пинья надвигалась с неотвратимостью трактора, очищающего снег на узкой дорожке, с которой решительно некуда отойти.

– Вот кто пусть идёт к нему! – злобно прошипела Пинья, показывая на меня пальцем. – Она ж у нас грамотная, пусть расскажет, как книжку у папеньки читала!

– Кому и о чём я должна была рассказать? – поинтересовалась я как можно более холодно.

– Сейчас узнаешь! – Агата юркнула за угол.

Я подошла к Джемме.

– Пойдём-ка, – махнула ей головой, чтоб отойти.

Джемма по утрам приходила ко мне умыться тёплой водой, а взамен за это разглаживала мятое платье и чистила его и нижнюю рубаху. Взаимовыгодный обмен. Или появилось ещё незадолго до моего этого дурацкого сна словечко – коллаборация. Вот, у нас с Джеммой сложилась коллаборация.

– Давай рассказывай, о чём это они.

– Ну... – Джемма, по обыкновению, юлила.

– Говори, кому сказала, – я уже замечала, что Джемма легко поддаётся давлению.

– Это... очень важный клиент. Мы зовём его Мастер Звездочёт. Потому что у него на халате звёзды, и он любит про эти звёзды болтать. Наверное, только матушка Ворона знает, кто он на самом деле. Он старей. И ему главное, чтоб его слушали, а если ещё что-то знаешь, и можешь рассказать, чего не знает он – так ещё и матушке потом похвалит. Но это редко, обычно он очень строг и выговаривает за плохо расчёсанные волосы или мятое платье. Ну и... доставить удовольствие – это не про него. Он слишком стар и ему удовольствие не нужно. И ни монетки сверх оговорённой платы никогда не даст. И задержит до самого утра. Невыгодный и нудный. И Хлою сегодня уже довёл до слёз и выгнал, она ему возразила, а он возражений не терпит.

– Но если важный, то много платит, наверное?

– Матушке, да. Он приходит раз в десять дней, или даже реже. И слишком много хочет. Обычно кидают жребий, кто к нему пойдёт.

– Так, а сейчас отчего не кинули?

– Тебя увидели, – бесхитростно сообщила Джемма.

Тяжёлые шаги известили о появлении мамыши Вороны. Девчонки куда-то рассосались, и она воздвиглась напротив нас с Джеммой.

– Да, они были правы, это хорошо. Джемма, в зал, – Ворона только глянула, а той уже след простыл. – А ты сейчас пойдёшь к себе, оденешься прилично, и потом явишься к моим покоям. И не вздумай ослушаться – пожалеешь.

К моим покоям, надо же. К твоему свинарнику, ты хотела сказать, да?

– И что потом? – я взглянула ей в лицо.

– А потом если не будешь дурой, то поймёшь, что для тебя это идеальный вариант, – усмехнулась Ворона. – Ступай, и не задерживайся!

Она развернулась и пошла в зал, а я задумалась. Почему это для меня идеальный вариант? Какой-то вариант, который не нравится остальным, не обязательно хорош...

Но в конце концов, можно же утопить, правда? Или хотя бы попробовать?

Я поднялась к себе, надела нарядное шерстяное платье, расчесала волосы. Сегодня была баня, мне снова удалось встретиться с теми же достойными женщинами из Гильдии Банщиц, и они чудненько отмыли всю грязь с меня и с моих волос. Волосы отлично лежали и завивались на концах. Зеркала не было, поэтому посмотреть на себя целиком не вышло, но я понадеялась, что всё в порядке. И пошла вниз, движимая даже не сколько словами Вороны о том, что я пожалею, а неким любопытством. Что там за старик такой?

Ворона поджидала меня в коридоре. По своему обыкновению, обошла и оглядела со всех сторон.

– Так, годится. Сразу видно, что есть воспитание, а не абы что. Запомни: никакого непослушания. Это очень важный придворный и могущественный маг, ему твоя вода, или что там у тебя – плюнуть и растереть. Но от его расположения зависим мы все! Благодаря ему нас не трогают ни епископ, ни казначейство, ни кто-либо ещё, поняла?

К этому моменту я уже понимала, что заведение Вороны не только и не столько для утех, сколько для самих девушек. Они добирали здесь то невеликое образование, которого не получили дома, могли спать в постели, и есть, не воруя. Правда, в комплект входило обслуживание клиентов, но мир ведь несовершенен, так?

Почему-то я не испытывала ни страха, ни сомнения. Ну, пойдём и посмотрим, что за мастер Звездочёт. Какой-нибудь придворный астролог, что ли?

Ворона открыла одну из прочных деревянных дверей и толкнула меня вперёд. Я вошла и успела увидеть, что освещение в комнате не свечное, а магическими осветительными шарами, и изумилась – надо же, так тоже бывает.

Пол застелен коврами, да не такими, как у Вороны, а ярче и дороже. Низкий столик – с фруктами, какими-то кусочками на блюде и чем-то в кувшине, вином, что ли? И за всем этим на подушках – старик в зелёном халате, расшитом звёздами.

Дверь за моей спиной закрылась.

– Невероятно, – сказал старик, а пальцы его плели какое-то явно магическое действие. – На такую удачу я и рассчитывать не мог! Вот где, оказывается, скрылась от разгрома дочь Аделардо Ливарио.

Приплыли. Я-то его вижу в первый раз, а вот он меня, судя по всему, знает.

15. Мастер Звездочёт

– Здравствуйте, – кивнула я.

И замолчала.

– И это всё, что вы, госпожа, можете мне сказать?

Ух ты, меня сделали госпожой.

– Когда ты не помнишь ничего о своей прошлой жизни, то лучше помалкивать – вдруг сделаешь фатальную ошибку? – усмехнулась я.

– Как так – не помнишь? – не поверил мне старик. – И что же вы позабыли, госпожа Ливарио?

– Примерно всё, что было вот до этого места. Я очнулась здесь, и мне рассказали, что у меня был шанс умереть от передозировки сонного зелья. Но каким-то чудом я спаслась, очевидно – господним. И теперь мне приходится собирать всю мою прошлую жизнь по крупицам.

– И ведь не лжёте, – он смотрел сурово и хищно.

Кто там сказал про нудного старика? Дурочка Джемма? Уж конечно, нудный старик. Три раза.

– Зачем же мне лгать? Я вижу, что мы с вами были знакомы, и значит – вы можете рассказать мне обо мне. Глядишь, и я вам для чего-нибудь сгожусь.

– Бесстрашная и долгоязыкая, – старик удовлетворённо кивнул. – Спрашивать вас, госпожа, очевидно, бесполезно – если вы не помните, то и не расскажете. А вот нрав не спрячешь. Не стойте, садитесь.

Я опустилась на ковёр – как смогла аккуратно. Впрочем, ноги не подвели, и я уложила их в йоговскую позу одну на другую, и накрыла длинной юбкой.

– Апельсин? Виноград? Сладости? – он пододвинул ко мне тарелки. – Как вышло, что именно вас прислали ко мне?

– Никто больше не захотел. А вы, вроде бы, уже кого-то изгнали.

– Глупую и не желающую уметь, – он брезгливо отмахнулся. – Можно подумать, хоть одна из них мне была нужна на ложе, так нет же! От меня им намного больше проку, чем мне от них! Глупость неистребима.

Что, старичок тоже преподаёт какой-то предмет, и не из самых любимых? Или собирает с девчонок информацию для своих целей? Я была согласна с ним, но – хотела, всё же, кое-что понять.

– Давайте знакомиться заново? – я глянула на него, отметила дорогую ткань халата и богатство вышивки.

– Аль-Адиль Звездочёт, – усмехнулся он, глядя на меня в упор. – Советник его величества Руджеро.

– Барбара Ливарио, – раз меня здесь так зовут.

– Я говорил вашему отцу, что вас следует назвать Сверкающей Звездой, или же Сокровищем, – усмехнулся старик. – Но он предпочёл подчеркнуть ваше северное происхождение.

– Наверное, – пожала я плечами.

Дотянулась, взяла виноградину с тарелки. Виноградина оказалась сладкая и без косточек. Красота.

– О чём вы хотите знать, Сверкающая?

– Прежде всего о том, что случилось с моим отцом и моим наследством. Осталось ли в мире что-то, ради чего мне нужно выбираться за эти стены.

– Ваш отец мёртв, увы, это правда, и я сам видел его тело. Дожди поступили, как собачьи дети, когда вероломно напали на Кагель-аль-Либра. Конечно, достопочтенный Аделардо дразнил их, и будь они Тиграми, я бы сказал – дёргал за усы.

– Что они не поделили? – нужно знать, чтобы не вляпаться.

– Давным-давно, двести лет тому, а может быть, и больше, на этом благословенном острове не было ни единого правоверного. Сначала сюда притекли Потомки Пророка, к коим и я имею честь принадлежать. После – Звездные Дожди. А Пустынные Тигры, коим больше подобает прозываться Пустынными Шакалами, явились последними. Бизантиум не имел сил защитить остров, и правоверные остались здесь жить. Но увы нам, мир нас не брал – Тигры грызлись со всеми, и никак не желали осесть на земле, на которую плыли так долго. Потомки Пророка изо всех сил укреплялись в новых владениях, но приходилось тратить военную силу и магию на то, чтобы урезонить Тигров. А Дожди – испокон века могущественные маги, они очень редко собираются вместе, потому что каждый великий герой – сам себе великий герой. И не умея достигнуть мира, эмир Потомков обратился к королю Ниаллы Роберу Гвискару с просьбой о защите от Тигров и от Дождей тоже – на всякий случай. Вы ешьте, прекрасная Барбара, ешьте, – Мастер Звездочёт пододвинул ко мне тарелку с оставшимся виноградом, и вторую тоже.

Я попробовала – это было что-то сладкое, тягучее, с пряной пастой и орешком внутри. Взяла второй, третий – и не заметила, как подчистила всё. А старик тем временем говорил дальше.

– Гвискар ответил согласием, но не отправился сам – а послал своего младшего брата Руджеро. Тот потратил три десятка лет на то, чтобы подчинить Устику себе, и укрепить свой трон в Монте-Реале. Теперь и Дожди, и Потомки, и Тигры живут здесь как вассалы дома Отвилей, а всё потому, что бороться нужно не в одиночку, предавая возможных союзников, а разом. Но Тигры никогда не признают над собой Потомков, а Дожди – вовсе никого.

Вот с Дождями-то ваш отец и повздорил. Хотел забрать замок, который, по его словам, принадлежал его роду давным-давно, ещё со времён древней империи. Но Дожди захватили его, только придя сюда, и не желали отдавать, хоть и замок тот расположен не в самом важном месте, и людшек там – чуть, и вообще больше расходов, чем доходов. Но, как вы понимаете, госпожа моя – непорядок. Отдать то, что считаешь своим?

Граф Ливарио захватил Сиру предательством – подкупил слуг. Он знать не мог, что с ним поступят ровно так же – подкупят слуг и захватят Кагель-аль-Либра.

– А что король? – спросила я.

Да, о чём-то таком я и не любила читать всю мою жизнь – о дрязгах, склоках и междоусобицах.

– А король, с одной стороны, был рад такому вассалу, как граф Ливарио, а с другой – ему тоже казалось, что граф чрезмерно задирает нос.

– Значит, убили и убили? И никакого правосудия? А если я приду и попрошу? Я ведь... бывала при дворе?

– Да, бывали, – кивнул старик. – Но сейчас король зол на графа за усобицу. И скорбит о погибшем принце Руджеро, вашем наречённом.

– Он... тоже несомненно погиб?

– Да, я видел, как обмывали его тело. Сомнений нет.

– И как его величество собирается распорядиться владениями Ливарио?

– Пока он просто назначил туда управляющего с жёстким приказом привести всё в порядок. И если честно – я не знаю, обрадуется ли он, если вдруг увидит, что наследница крови Ливарио жива и невредима.

– Так уж и невредима – едва вылечили, – фыркнула я.

– Я вижу, что сейчас вы, госпожа, здоровы и телом, и духом. Аура же ваша стабильна и многоцветна.

– Моя – простите, что?

– Магическая аура. Вы и о магии позабыли, что ли?

– Не поверите, да. Вспоминаю понемногу и интуитивно, и то и дело сталкиваюсь со стихийными выбросами. Моё тело помнит больше, чем моя голова.

– Но уже сам факт, что вы живы, изумителен. Каким же образом вы оказались здесь?

– Мне сказали, что меня сюда доставил Ночной страж. Я же, как можете догадаться, этого не помню. И о тех самых стражах не помню тоже. Встречусь лицом к лицу – и не узнаю.

– Узнаете, я подумаю, как сделать, чтобы узнать. Есть способы пробудить память, я обдумаю, и мы попробуем. Таковую, как вы есть сейчас, госпожа, вас нельзя показывать никому. Вы нужны, как прежде, то есть – деятельная. Вам нужно вспомнить если не всё, то почти всё, потому что кровь – не водица, а вы – Ливарио. И унимать ваших буйных подданных лучше тому, в ком течёт эта кровь. Я подумаю, что сделать для вас. Например, как поскорее помочь вам вспомнить то, что вы знали о своей силе... Так, я смогу вернуться сюда через неделю.

Он мановением руки отворил дверь и крикнул:

– Сибиллу ко мне! Немедленно.

16. Раздумья матушки Вороны

Сибилла из Рыбьего Угла, будучи девчонкой, никогда бы не подумала, что станет содержать дом утех. Она и слов-то таких не знала, а если б узнала – то немедленно бы выразила своё презрение. Потому что была любимой дочерью и завидной невестой.

Жизнь поломалась одной осенней ночью – когда на берег пристала пара пиратских галер, деревню разграбили подчистую, а всех, кто хоть как-то мог пригодиться, забрали на корабли и отвезли на невольничий рынок на острове Мелита, на Устике-то работоторговля была запрещена. Рабы встречались, и в королевском дворце, и у вельмож, но – продавать и покупать их открыто не позволялось. Впрочем, до Мелиты – рукой подать. Если кому нужно – быстро доберётся.

Сибиллу продали в домашнюю прислугу – потому что, несмотря на юность, красотой не отличалась. Уже тогда крупноватая и бесформенная, она не привлекла тех, кто покупал рабынь для гаремов неверных. Нет, её купили за сильные руки, широкую спину, и крохотную толику магических способностей, и вернули на Устику. В Монте-Реале.

К сорока годам она успела трижды родить – но ни один сын не выжил, однажды попасть под плети – и сама едва осталась жива, выкупиться из рабства и приобрести дом на окраине города. Дом был немал, но она уж представляла, что собирается делать – давать кров, пропитание и работу девам, оставшимся без семьи и без покровительства.

Да, работа выходила не самая почтенная, зато – всегда востребованная. И желающие нашлись – потому что крыша над головой, еда в тарелке, никто не бьёт и лишнего не позволяет.

Однажды, в юной юности, повезло Сибилле оказать услугу самому Мастеру Звездочёту – тогда ещё придворному магу эмира Потомков Пророка, так назывался один из проживающих на Устике кланов неверных. И когда много лет спустя он оказался советником короля Руджеро, то помог и с покупкой дома, и с тем, чтобы заколдовать тот дом, как было надо Сибилле. А как было надо – она придумала, осмыслив свою непутёвую жизнь. Ну да другой не дали, будем жить ту, что есть.

Каждый клиент заключал с Сибиллой – теперь уже матушкой Вороной – магический договор. О том, что не причинит вреда ни девушкам в доме, ни имуществу, ни прислуге, ни самой Сибилле. Поэтому – никаких побоев и угроз, никакого членовредительства, всё чинно. Хотите иначе – милости прошу в другое место, возле порта много таверн, где оказывают подобные услуги, не задают вопросов и разрешают творить любые безобразия. Ах, девушки не такие красивые, здоровые и умелые? Тогда прошу вас, подписывайте. А не умеете писать – значит, с вас капля крови. Одна. Вот сюда. Да, вашим ножом можно.

И второй важный момент договора – тайна. Я не расскажу, кто ко мне приходил. А вы не расскажете, кого здесь встретили. И вам хорошо, и всем прочим тоже. И о вас ведь тоже не расскажут, ясно вам? То-то.

Так и прожили без малого десятков лет. Сибилле удалось зазвать давнюю знакомицу Марту – отменную целительницу. Та работала в аптекарской лавке своего племянника – готовила для него отвары, мази и сборы, и принимала посетителей. Лавка разрослась, племянник нашёл двух лекарей и ещё одного целителя, и попытался отправить Марту на покой. Зачем, мол, вам, тётушка, в лавке топтаться, лучше за домом поглядите. Глядеть за домом Марте не хотелось совсем, поэтому она без разговоров приняла предложение Сибиллы. В таком заведении работы хватало – девицы попадали по-разному, некоторые – в совсем неприглядном состоянии. И ещё постоянно требовались заговоры и снадобья от беременности. И просто обычные вещи – кто руку обварил, кто занозу посадил, кому лавка на ногу упала. Всем нужна госпожа Марта.

Девушки в доме надолго не задерживались. Кого-то брали в жёны, кого-то в экономки и прислугу. Понятно, что наследники родов, хоть дворянских, хоть каких, жён себе в таком месте не искали, но многие простые люди были довольны вполне. Опять же, Сибилла приглашала тех, кто может чему-то научить. Например, матушку Ранию – ну и что, что из неверных, а танцует так, что не скажешь, сколько ей лет – когда встанет и поведёт бёдрами, пустит волну от кончиков пальцев и дальше, и мелко-мелко зазвенят монетки и подвески на тяжёлом поясе. Правда, таланты, которые сумели бы так же, попадались редко, но научить двигаться матушка Рания могла хоть кого. Её ученицы и при королевском дворе танцуют, понимать надо.

Всё было примерно понятно и шло по накатанной. Пока одной сумрачной ночью на порог заведения Сибиллы не привезли беспамятную дочь графа Ливарио.

Ночные стражи – те ещё заразы. Просто так к ним не попадешь, они берут только сильных магов. Могут взять неумелого, но чтоб с потенциалом, и выучить. Берутся за любую работу – только плати. Охранять вельмож, купцов, караваны. Иногда даже и королевских особ. Завоевывать замки и деревни. Отбиваться от врагов. Лучшие наёмные убийцы – тоже они. И работают преимущественно ночью, потому и ночные. Но бывает, и днём едут по городу, отворотятся не заметишь – во всём чёрном с головы до пят, лица закрыты, как у прокажённых, одного от другого не отличишь. А кто знает, может они и есть прокажённые, кто их видел-то?

И вот такой Ночной страж привёз Барбару Ливарио, ничего не соображающую от сонного зелья, и со связанными руками. Конечно, не один – за спиной у него стоял добрый десяток таких же чёрных, одни глаза сверкают, и то не всегда. Ничего не объяснил, сказал, что уважает её, то есть матушку Ворону, и просит об услуге. Все знают, что она умеет хранить тайны, и что в её доме можно спрятать человека так, что не найдешь. Вот он и просит – спрятать. И денег дал – столько, сколько она обычно за месяц тратит на расходы. Ну как было не согласиться? Да и страшно не согласиться! Откажешь ему, а он в лоб, и поминай, как звали?

Правда, тот страж был вежлив, и в лоб дать не спешил. Вместе с подручным своим, который нёс сундук с вещами, поднял девушку на верхний этаж, положил, и сказал – нужно приглядывать, пока действие сонного зелья не пройдет. И ушёл, оба ушли. А потом вернулся – тот ли, другой – кто их разберёт? Пригвоздил Сибиллу к стене суровым взглядом и поднялся вверх. Она сразу за ним не пошла, не сообразила. А потом двинулась-таки, и когда за шторку заглянула, то и увидела – девушку с задранной юбкой и этого вот с развязанными штанами. И он её вроде как по лицу бьёт и говорит, чтоб не смела помирать, и камнем каким-то на цепочке перед лицом водит. А потом увидел Сибиллу, не сводя с неё глаз, спрятал камень куда-то в одежду, поднял и подвязал штаны, и подошёл.

– Ты, если не совсем дура, догадаешься, как получить с неё хороший доход. Считаю, что расплатилась за всю возможную прибыль, поняла? Девственницей она тебе всё равно ни к чему, для твоих-то дел, а мне её сила сгодится, – и ещё сплюнул.

Сбежал по лестнице вниз – и только его и видели.

Вздохнула сзади подошедшая Марта – Сибилла успела её позвать.

– Глупости какие, нет там никакой особой силы, – покачала она головой и пошла в комнату, приводить девушку в чувство.

Пузырёк с остатками сонного зелья нашла в углу Джемма, девчонка, которую Сибилла позвала помогать. И на губах лежащей были видны остатки – что, он ещё добавил, что ли? Так нельзя же, даже далёкая от магических зелий Сибилла знает, что нельзя!

Марта негромко командовала – что делать, Джемма несла воду и какие-то снадобья. Марта поджигала палочки с острым запахом, что-то делала руками – Сибилла, конечно, немного маг, но очень немного, как все, и тонкостей целительских не понимает. Она отступила в коридор и ушла к себе – толку от неё нет, а Марта сделает, что может.

Девчонка не приходила в себя неделю. Джемма её караулила, а Марта то и дело проводывала. За эту неделю они успели узнать, что и отец девчонки, и жених мертвы, и случись она

дома – и её бы, скорее всего, в живых не оставили. А теперь она жива, и если придёт в себя, то... что?

Скрывать кого другого было бы нетрудно. Но дочь графа Ливарио...

Сибилла до того видела девицу несколько раз, в городе, когда она с надменным видом проезжала вместе со своим отцом – ко двору ли, в городской дом или куда ещё. Отец её славился нравом бешеным и беспощадным, и дочь оказалась совершенно такой же. Она с лёгкостью хлестала всех, кто зазевался и не убрался вовремя с дороги её лошади, а в фамильных владениях, по слухам, её боялись ничуть не меньше отца – это девятнадцатилетнюю-то девицу! Может и правда, не увези её Ночные стражи, она бы помогла отцу отбиться от нападения Звёздных Дождей – маг-то она сильный, не чета Сибилле. И что с ней делать теперь, вот с такой? Что она скажет, когда придёт в себя?

Но в себя она не приходила очень долго. Сибилла уже потихоньку думала – померла бы, что ли, и дело с концом. Но девица очнулась... и оказалось, что она ничего не помнит. Ничего.

О нет, она не обманывала. Она действительно не помнила. Она не понимала ничего, она говорила какую-то ерунду, совсем не так, как бы сказала раньше. Сибилла хотела убедиться лично, что девица стоит на ногах, приготовилась укрощать дерзость... и получила сама. Бочку воды в лицо и в комнату.

Это было понятно, и с ней следовало держаться осторожнее. Хоть та и разительно изменилась – ходила, со всеми вежливо разговаривала – Сибилле чувствовался подвох, она ждала, когда рванёт. Поэтому когда Марта сказала в приватном разговоре – не трогай её, глядишь, так и лучше будет – Сибилла отступилась.

Но не понимала, что делать дальше, и зачем ей кормить в доме это опасное сокровище. Ночные стражи не появлялись, спросить было некого. И как держать себя с ней, Сибилла тоже не понимала. Честно говоря, боялась. Потому что рвануть могло, и очень неслабо, та бочка воды ещё раем покажется.

А потом появился Мастер Звездочёт. И Сибилла прямо выдохнула – вот на кого она это переложит. Пусть он всё узнает и придумает, что делать.

...Мастер Звездочёт велел Сибилле прийти, Сибилла спешила на зов.

– Так, Сибилла. Госпожа пока останется у тебя – я не могу придумать для неё более безопасного убежища. Ты её не тиранишь и работать не заставляешь ни под каким соусом.

– Я могу делать что-нибудь полезное руками, – пожала плечами девица. – Я и так уже помогаю матушке Ливии.

Нет, вы это видели? Барбара Ливарио – руками?

– Я подумаю, – буркнула Сибилла. – Ступай к себе.

Барбара ушла к себе, а Сибилла отправилась провожать Мастера Звездочёта.

– Не беспокойся, решим, – на прощание он потрепал Сибиллу по плечу.

Хорошо бы, чтоб решил, думала она про себя, подходя к большому залу – нужно ж поверить, всё ли в порядке.

17. Пробуждение Феникса

За следующие три недели Мастер Звездочёт появился в доме мамыши Вороны целых пять раз.

Для всех я отбывала повинность – одевалась прилично, расчёсывала волосы и отправлялась на ковёр к злобному докапучему старику, которого нужно слушать – это ж ужас кошмарный, слушать. Ну правда, что интересного он может рассказать? Ещё на вопросы отвечать про что видела и слышала. Внятно и не отвлекаясь на мелочи.

А по факту я опускалась на тот самый ковёр напротив него, и он рассказывал мне о моей магической силе. Восхищался, говорил – давно не было таких талантливых учеников, после сыновей короля Руджеро. А дочери у короля, мол, слабенькие в плане магии, передать способности скорее всего смогут, а сами что-то полезное делать – нет.

И честно сказать, я очень давно не училась так продуктивно и так интересно. Это было не как танец, но... того же плана. Тоже владение своим телом, и не только телом, а ещё самой своей сутью... как в танце, да, потому что если в танце останется лишь тело, то тот танец превратится в набор фигур и позиций. Каким бы выученным и тренированным то тело ни было – без головы и без души танца не будет.

Так вот, и магии, оказывается, тоже не будет без головы и без души. Даже если одарена преизрядно.

К слову, я этой преизрядности пока не ощущала. Но уже не раз сталкивалась с тем, что любой наезд на меня, любимую, или несогласие с моей точкой зрения вызывает не общее расстройство и не вздохи о несовершенстве мира, и не желание обсудить и перетереть с кем-нибудь это несовершенство – а мощную волну едва ли не ненависти к говорящему или сделавшему. На мой взгляд – возможная реакция как-то совсем не соответствовала ситуации, и реакцию эту я безжалостно давила. Потому что вспоминала десяток литров воды, разлитых в спальне Вороны, и то, как я не могла управлять силой. Не я владела силой, а сила владела мной. И было это пренеприятно, не говоря о том, что в итоге получился, как сказала госпожа Марта, и как подтвердил Мастер Звездочёт, магический откат. Знала бы я ещё что-то о тех магических откатах!

Но Мастер был терпелив.

– Вы, госпожа моя Сверкающая, должны быть столь же терпеливы, как и талантливы. Магия – это труд. Испугать простецов или слабых магов – дело нехитрое, но к настоящей магии не имеет отношения вовсе. Внутри вас – бездна, и либо вы укротите эту бездну, либо она вас пожрёт. Желание доказать всем направо и налево своё превосходство усвоено вами от отца, но на мой пристрастный взгляд, недостойно настоящего сильного мага. Ваша аура говорит сама за себя, умный – поймёт. Неумного не жаль. Вам не нужно постоянно показывать свою силу, и напоминать о ней всем без разбору тоже не нужно, а если вы научитесь сдерживать её – это скажет о вас и о ваших умениях намного больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.